АЛЕНА БЕЛОЗЕРСКАЯ

Опасные связи

ДЕТЕКТИВНАЯ МЕЛОДРАМА

ПОКИНУТЬ ПАРИЖ

И УЦЕЛЕТЬ

Алёна Белозерская

Покинуть Париж и уцелеть

Серия «Фавориты бога», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6883281
Белозерская А. Покинуть Париж и уцелеть : роман : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70859-8

Аннотация

Марина… Как она могла так безрассудно нажать на спусковой крючок? Полина Матуа до сих пор не верила, что ее лучшая подруга покончила с собой. Неужели в жизни Марины была страшная тайна и единственным выходом стала пуля?.. Вскоре Полина убедилась – она многого не знала о подруге! С ней связался загадочный незнакомец, называвший себя Перес, и потребовал вернуть ключ, который Марина якобы оставила ей. Полина не могла понять, о чем речь, но на поиски таинственного ключа ей дали всего пять дней… Похоже, Полине придется забыть о личном счастье! А ведь она только-только развелась с опостылевшим мужем Люком и собиралась строить свою жизнь с новым возлюбленным…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 24
Глава 3 44
Глава 4 63
Глава 5 79
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Алена Белозерская
Покинуть Париж и уцелеть

© Белозерская А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Несмотря на будний день и пасмурную погоду, в Люксембургском саду было многолюдно. Впрочем, этот великолепный парк всегда был полон посетителей вне зависимости от времени года. Лишь поздней осенью, когда температура понижалась, а на смену солнцу и яркому безоблачному небу приходили резкие ветра и серые дожди, парк замирал. Изящные дворцовые скульптуры с грустью всматривались в пустые аллеи, Люксембургский дворец, вокруг которого, собственно, и раскинулся сад, выглядел мрачным и одиноким на фоне низкого неба, а самый романтичный фонтан Парижа, находящийся перед фасадом дворца, представлял собой невыразительную лужу, беспокойную и грязную. Благо, что таким угрюмым и неприветливым сад бывал только несколько дней в году, перед самым началом зимы, а в остальное время воздух его был пропитан неповторимым ощущением покоя и радости.

Конечно, в Париже много других парков, не менее величественных и роскошных, однако Полина любила именно Люксембургский сад, привлекающий особой атмосферой возвышенности и одновременно простоты. Внешняя утонченность сада не вызывала напряженный трепет перед многовековой историей, которой был наполнен каждый сантиметр пространства. Наоборот, она давала возможность по-

чувствовать себя его частью и от этого испытывать удовольствие, так как люди всегда мечтают быть частичкой чего-то великого и могущественного. А детский смех, неизменно присутствующий в воздухе сада и легким ветерком разносящийся по всем его уголкам, наполнял душу уютом и заставлял улыбаться в ответ.

Поправив на плечах шаль, которую прихватила с собой, опасаясь замерзнуть, Полина обрадовалась тому, что день выдался теплым, несмотря на хмурость и сумрачность, предвещающую дождь. Подобная погода была несвойственна Парижу в октябре. Обычно этот месяц поражал яркостью, давая возможность насладиться солнечными деньками перед тем, как природа уснет на долгие месяцы. Но в этом году капризы погоды обманули ожидания и парижан, и туристов. Мелкие дожди и отсутствие солнца были постоянными спутниками последних дней, что, впрочем, не мешало людям проводить много времени на улице, не замечая непогоду. Доказательством этому был «полный комплект» посетителей Люксембургского сада, этакий винегрет из студентов, расположившихся на переносных стульчиках по всему периметру, уставившихся в планшеты или, реже, в книги, спортсменов, оккупировавших тематические площадки, трусцой пробегающих по аллеям, вечно галдящих детей и их родителей, туристов, громко восхищающихся окружающей красотой, а также старичков, не обращающих внимания на суету и серый воздух.

Намечая прогулку, Полина надеялась, что неприветливая погода отпугнет посетителей сада, предоставив возможность насладиться одиночеством, однако подобным мечтам не суждено было сбыться. Впрочем, Полина не расстроилась. Более того, она обрадовалась неожиданному многолюдству, которое всеми силами пыталась запомнить, ибо не знала, когда увидит Люксембургский сад в следующий раз. Через несколько дней она уедет из Парижа, и это печалило ее, так как всегда сложно покидать место, ставшее частью души, и менять его на нечто новое, непривычное и оттого пугающее.

Полина отмахнулась от невеселых мыслей, связанных с переездом, вспомнила о любимом мужчине, ради которого покидает Париж, и счастливо улыбнулась. Новая жизнь казалась туманной, но она давала возможность убежать от прежних невзгод и ошибок и начать все сначала. Наслаждаясь душевным подъемом, Полина, однако, не могла не ощущать печаль где-то внутри, и это тревожило.

Чтобы развеять грусть, она пришла в сад. Прогулка по длинным аллеям всегда успокаивала и отрезвляла, заставляя по-новому смотреть на проблемы и неприятности. К тому же в саду, недалеко от фонтана, Полина должна была встретиться со старым клиентом агентства, парижский филиал которого возглавляла последние четыре года. Посмотрев на часы, показавшие, что до встречи с мсье Гуэном еще есть время, она спокойным шагом направилась к условленному месту и вдруг остановилась, заметив невдалеке знакомую фи-

гуру, идущую под руку с каким-то кавалером.

– Марина! – крикнула Полина. – Маргулис!

Женщина не отреагировала. «Показалось? Вряд ли!» – удивилась Полина, рассматривая светлые волосы, рассыпанные по плечам, худую спину и надменную осанку. Внимательно вглядевшись в затылок мужчины и то, как напряженно женщина сжала пальцы на его локте, Полина понимающе хмыкнула. «Свидание с любовником» – таким был вердикт. Размышляя о странном поведении подруги и, главное, о том, что Марина изменяет мужу, Полина незаметно подошла к скамье, где ее ожидал мсье Гуэн, и улыбнулась, когда старик приятной наружности поднялся и вежливо склонил голову.

– Полина, – протянул он, целуя руку женщины, – обворожительная и прекрасная.

Голос его был теплым, как окружающий воздух, речь звучала мягко, как у всех коренных парижан, взгляд острый и наблюдательный в силу возраста и жизненной мудрости, а движения порывисты из-за пылкого темперамента. Седые волосы, блестящие черные глаза, морщинистая кожа на щеках, узкие девичьи плечи, аккуратный костюмчик и идеально сидящее на хрупком теле пальто. Все приталено, все облегает. И, разумеется, неизменный атрибут любого парижанина – шарф, небрежно лежащий на плечах, от ветра не защищающий, но гармонично вписывающийся в образ.

– Merci, monsieur Gouin[1], – Полина с наслаждением вслу-

---

[1] Спасибо, мсье Гуэн (фр.).

шалась в приятный голос старого француза и в благодарность за комплимент погладила тонкие прохладные пальцы.

Она с гордостью могла назвать себя полиглотом, так как говорила на пяти европейских языках, но наибольшую радость ей доставляло умение изъясняться на французском, ее любимом. Полина обожала говорить на языке любви и кокетства, но еще больше ей нравилось его слушать.

– Monsieur Gouin? – старик приподнял бровь, намекая на то, что уже давно разрешил называть себя по имени.

Как всегда, Полине не захотелось объяснять, почему она упорно продолжает называть мсье Гуэна по фамилии, заранее зная, насколько это прозвучит нелепо. Дело в том, что старика звали Жозеф-Александр. Полина ленилась каждый раз произносить его вслух, поэтому, желая упростить общение, остановилась на коротком «мсье Гуэн».

– Joseph-Alexandre, – медленно произнесла Полина, желая доставить старику удовольствие.

– Слышал, ты покидаешь Францию, – мсье Гуэн указал на скамью, предлагая присесть.

– Новости расходятся быстро.

– Дурные новости, – поправил старик. – А это, поверь мне, нерадостное известие. Надеюсь, ты будешь счастлива там, куда уезжаешь.

– И я, – отозвалась Полина, чувствуя, как грусть снова начала подкрадываться к ней.

Стараясь отвлечься, она хлопнула в ладони и рассмеялась.

– Наступает пора каштанов, – сказала она. – А я их не попробую! Вот жалость!

– Неужели они тебе нравятся?

– А вам нет? – Полина с удивлением взглянула в черные глаза, светящиеся насмешкой и одновременно задором. – Я думала, что все французы любят жареные каштаны.

– Наивное дитя! Это ложный стереотип, и я тому полное подтверждение.

– Знаете, я их тоже не люблю, – вдруг призналась Полина. – Просто хотела сделать вам приятное, сославшись на схожесть вкусов.

– Никогда так не поступай, – попросил мсье Гуэн. – Честность в отношениях ценится дороже, нежели иллюзорная общность.

– Обещаю, – кивнула Полина, покраснев от неловкой ситуации.

«Дернуло меня вспомнить об этих чертовых каштанах! Я же их никогда не покупаю!» Она подумала о том, что скоро по всему Парижу можно будет увидеть жаровни, в которых готовится любимое лакомство многих французов. На вкус они были странными и непонятными, но являлись неотъемлемой романтической частью города, и Полина, поддаваясь стадному чувству, раз в год, в сезон, покупала маленький пакетик, чтобы ощутить тепло в ладонях, а после, так и не съев ни одного каштана, выбросить в мусорку.

– Сегодня хорошая погода, – сказала она и, не удержав-

шись, рассмеялась. – Опять лгу! Погода – мерзость. Сыро, но, слава богу, тепло! А теперь говорю правду – я очень рада нашей встрече!

Мсье Гуэн обнял Полину за плечи и прижал к себе.

– Обожаю твою непосредственность, – сказал он. – Ты напоминаешь мне дочь, такая же озорная лгунья.

– Вы помирились?

Полина знала о ссоре, произошедшей несколько лет назад, правда, не предполагала настоящих причин столь длительной размолвки. Ходили слухи, что старик взбесился оттого, что мадемуазель Гуэн открыла миру свою сексуальную ориентацию и представила отцу спутницу жизни. Может, предпочтения дочери и ее нежелание быть такой, как все, явились причиной вражды, или же нечто другое, скрытое от глаз посторонних. Полина не стремилась вникнуть в детали и тем более принимать чью-либо сторону, потому что у самой были непростые отношения с родителями, и она не понаслышке знала, как сложно находиться с родными в состоянии войны или близко к этому.

– Вряд ли моя дочь захочет меня видеть. Я был жесток с ней.

– Вы можете все исправить, если захотите. В этом я уверена, как и в том, что она любит вас и, конечно же, простит.

– Есть вещи, которые не прощают.

– Только одно нельзя простить, – с жаром объявила Полина, вызвав улыбку на губах старика. – Предательство! Все

остальное поддается корректировке.

– Моя мудрая мадемуазель.

– Не нужно иронии. Вы прекрасно поняли, что я имела в виду.

– И благодарен тебе за совет.

– Я не даю советов. Лишь высказываю свое мнение, не более. А вы уж сами решайте, как поступить. Но вы назначили встречу не для того, чтобы… – Полина замолчала, демонстрируя, что не желает обсуждать личные темы.

– Нет, не для этого, – мсье Гуэн поднялся и протянул руку. – Предлагаю пройтись.

– Согласна. Итак…

– Хочу сделать приятное Софи.

Полина постаралась сдержать усмешку при упоминании имени возлюбленной старика. Впрочем, не одна она улыбалась, когда слушала, с какой нежностью Гуэн говорит о даме своего сердца, учитывая, что таких у него было две. Мадам Эмме – жена. Кажется, в следующем году супруги отметят золотую свадьбу. И мадемуазель Софи – любовница Гуэна уже на протяжении сорока лет. Именно она была матерью единственной дочери, наследницы фармацевтической компании, хозяином которой и являлся Гуэн. Сплетники говорили, что Жозеф-Александр так и не смог понять, кого из двух дам любит больше, поэтому решил жить с обеими. Долгое время дамы не имели понятия, что их мужчина «разрывается на две семьи», уж очень изобретательно Гуэн скры-

вал факт своей измены. А после, когда тайное открылось, было поздно что-либо менять. С мадам Эмме его связывали бизнес, крепкая дружба и много лет брака, а с мадемуазель Софи – дочь и не менее прочные отношения. Разумеется, обеим дамам было невероятно трудно принять наличие «второй жены» в жизни любимого. И все же уважение и нежность вышли на первый план, затмив обиду за многолетнюю неверность. Никто не решился разрушить давно устроенную и размеренную жизнь, полную любви и взаимопонимания. Конечно, любовница и жена не стали подругами, но, по крайней мере, не враждовали друг с другом и не упрекали своего мужчину в нежелании сделать выбор. Впрочем, выбор он сделал уже давно, когда понял, что не в силах отказаться ни от одной из любимых. Веселая история, если учесть, что ловеласу Гуэну и его преданной жене Эмме было по семьдесят пять лет, а очаровательной мадемуазель Софи – семьдесят.

– Какой подарок вы хотите преподнести своей возлюбленной? – спросила Полина и вдруг рассмеялась, впервые столь остро ощутив всю нелепость происходящего.

– Как невежливо! – недовольно поцокал языком мсье Гуэн, но в глазах его заиграла улыбка. – Плутовка.

– Простите, – Полина слегка похлопала себя по щекам, приказывая успокоиться. – Готова выслушать ваши пожелания.

– Напротив. Слушать буду я. Если бы я мог решить этот вопрос самостоятельно, не вызвал бы тебя. Но у меня совер-

шенно нет мыслей по этому поводу, поэтому предлагай!

Полина остановилась и, прищурив глаза, всмотрелась в лицо своего спутника. Не в первый раз ей приходилось угадывать, что хотят клиенты, но нынешняя ситуация была сложнее, чем многие предыдущие. Придумать подарок для семидесятилетней дамы, да еще не облажаться при этом – дело непростое. Если бы барышне было двадцать или тридцать… в таком возрасте желания женщины и проще, и приземленнее. Пафос, эксклюзивность и впечатляющее количество нулей – наиважнейшие составляющие удачного подарка для девицы, возраст которой не пересек отметку тридцать пять. Сорокалетней особе уже значительно труднее угодить. Чаще всего она одна знает, что желает, а окружающим лишь озвучивает свои желания вслух или же прозрачно намекает о своих желаниях. Дальше – еще хуже! Искушенным красоткам «за пятьдесят» сделать сюрприз невозможно, ибо абсолютно нет шансов их удивить: они на все смотрят сквозь призму опыта, иронии и способны недвусмысленно, хотя и культурно, обгадить непонравившийся подарок. А мадемуазель Софи не пятьдесят, а семьдесят! И живет она на свете в два раза дольше, чем Полина, которая отчаянно пытается придумать что-нибудь такое, чему могла бы обрадоваться старушенция.

– Велосипед или телефон? – наконец устав от напрасных размышлений, спросила она, наивно заглянув в лицо мсье Гуэна. – И в том и другом случае устроим полный эксклюзив.

– Дорогая, ты можешь представить старушку с артритом, катающуюся на велосипеде? – с улыбкой на губах поинтересовался он. – Софи никогда не любила подвижный отдых, в отличие от моей жены Эмме. И модный телефон ей не доставит удовольствия, потому что она не пользуется мобильными. Считает, что они мешают жить.

Мсье Гуэн взмахнул рукой, обращая внимание Полины на посетителей парка. Многие из них были увлечены не общением друг с другом, а своими телефонами, планшетами и другими гаджетами.

– Поняла, что вы имели в виду, – нахмурилась Полина. – Люди перестали общаться. Настоящей жизни они предпочитают виртуальную реальность.

– Именно поэтому я не хочу рисковать. Софи немедленно порвет со мной, если я преподнесу ей в подарок последнюю модель какого-нибудь суперпопулярного телефона. Конечно, я осознаю, что телефон – это удобно. В бизнесе он незаменим. Но в остальном эта маленькая штучка… – Гуэн вытащил из кармана пальто дорогой мобильный и небрежно потряс его в руке, – лишает многих радостей. Раньше к другу можно было прийти в гости без звонка. Взять пару бутылок вина и просто позвонить в дверь. А теперь ни один человек не примет тебя без предварительной договоренности.

– Вы правы. Телефон стал частью нашего мира и одновременно его проклятием. Благодаря ему меня могут найти где угодно, что не всегда хорошо. Но без него я уже не смогу

жить.

– Чувствуешь себя покинутой, если он не звонит?

– Да, – кивнула Полина. – Если меня ищут, значит, я кому-то нужна, – она взяла мсье Гуэна под руку и повела к фонтану. – Значит, телефон отметаем. Предлагаю часы.

– Дарил в прошлом году. Разве ты забыла, что сама заказывала в Vacheron Constantin[2] именные…

– Прошу прощения, – перебила Полина. – Действительно забыла. Пустая голова. Тогда парфюм, изысканный и индивидуальный. Только для нее. Например Clive Christian´s Imperial[3].

– Я не скупой, но платить тысячи евро за приятно пахнущую воду считаю верхом неблагоразумия. Тем более что Софи не станет изменять своему любимому аромату. Она весьма консервативная особа.

Полина пожала плечами, словно признала свое поражение и капитулировала, но вдруг встрепенулась.

– Мадемуазель Софи не уважает современную технику, противница нововведений… Скажите, Жозеф-Александр, каким образом она общается со своими друзьями? С теми, кто живет далеко?

– Пишет письма. Софи любит хорошую бумагу, конверты.

---

[2] Швейцарская часовая мануфактура, основанная в 1755 году. Считается одной из самых дорогих, престижных и традиционных марок часов.

[3] Элитные духи. Флакон выполнен из горного хрусталя и украшен белыми бриллиантами в 5 карат. Композиция составлялась в течение шести лет из редчайших ингредиентов. Выпущены ограниченной партией – всего 10 флаконов.

Она может часами сидеть за столом, составляя письмо, а потом с трепетом ждет ответа.

– Тогда подарите ей особую перьевую ручку. Например, Tibaldi[4] или что-нибудь проще.

– Простота не для Софи, – Гуэн, улыбаясь, кивнул. – Хороший подарок. Сама займешься покупкой?

– Разумеется, – солгала Полина, мгновенно решив, кому из подчиненных перепоручит заказ эксклюзивной ручки, украшенной драгоценностями, для именинницы. – И устройте для Софи ужин. Пригласите дочь. Это будет самым лучшим подарком.

Гуэн молчал, но было видно, что он обдумывает слова Полины. Она же жадно рассматривала этого необычного старика, который, сам того не подозревая, подарил ей незабываемое удовольствие от встречи. И дело было не только в том, что она получит приличные комиссионные, выполняя заказ. Конечно, это грело душу, однако еще большей сладостью по телу разлилось ощущение нежности, которое она испытывала, когда держала мсье Гуэна за руку. В такие минуты Полина представляла на его месте своего отца, который никогда не проявлял в отношении дочери заботу и участие. Этот же старик в эмоциональном плане давал гораздо больше, чем родной папаша, никогда не испытывающий в ней необходимости.

---

[4] Марка Tibaldi принадлежит итальянской компании Aquila Brands S.p.A. – одному из лидеров в производстве эксклюзивных пишущих инструментов.

– Спасибо вам, – Полина порывисто обняла Гуэна за плечи.

– Ты плачешь?! – он настороженно отодвинулся и нахмурился.

– Нет, конечно! Все хорошо. Честно!

– Ладно, сделаю вид, что верю. Тебя подвезти? Или ты на машине?

– Нет, я приехала сюда на такси и буду рада, если вы меня подвезете.

– Куда? В офис?

– Отель «Ланкастер».

– И давно ты там живешь?

– Почти месяц.

– Все-таки ушла от мужа?

Гуэн задавал простые вопросы, но Полине вдруг показалось, что он заставляет ее исповедоваться. Было сложно отвечать. Хотелось убежать, скрыться от вопрошающего взгляда, не видеть жалости в глазах или, что еще хуже, неодобрения.

– Ушла, – тихо подтвердила она.

– Весь Париж обсуждает ваш разрыв. Я думал, что это лишь слухи. Оказалось, правда. Очень жаль. Вы были красивой парой.

– Но несчастливой.

– Тогда не стоит жалеть о случившемся, – неожиданно бодро прозвучал голос Гуэна. – Перемены всегда к лучшему.

Они делают нас взрослыми и мудрыми. Ну, идем. Отвезу тебя куда пожелаешь.

– Двусмысленное обещание. Впрочем, вся наша жизнь двусмысленна.

– В твои ли годы рассуждать о подобном? Тебе сейчас самое время делать ошибки, нестись вперед, набивая шишки, а не стонать об уклончивости жизненных путей.

– Но я не… – начала Полина и замолчала, снова увидев знакомое бордовое пальто подруги, которая была настолько увлечена своим спутником, что не реагировала на окружающих ее людей.

Решив не тревожить «влюбленную курицу», она повернулась к мсье Гуэну и, приподняв бровь, поинтересовалась:

– Ваши дамы не будут возражать, если я приглашу вас сегодня на ужин в La Table du Lancaster[5]?

– Мы будем умными, – дерзко, как мальчишка, усмехнулся мсье Гуэн, – и им об этом не расскажем.

* * *

После ужина с Гуэном, приправленного искристыми шутками и теплым вниманием, Полина, слегка опьяневшая от вина и комплиментов, поднялась в свой номер и прилегла на кровать. Хитрый Гуэн, воспользовавшись нетрезвым состо-

---

[5] Ресторан отеля Lancaster Paris, удостоенный звезды Мишлен.

янием женщины и ее отчаянным желанием излить душевную печаль, выудил мельчайшие подробности расставания с мужем. Впрочем, сама Полина охотно делилась переживаниями, так как впервые за долгое время нашла понимание в лице этого пожилого господина. Он не осуждал ее неожиданную влюбленность в другого мужчину, которая разрушила брак, казавшийся со стороны крепким и счастливым, не настаивал на примирении супругов. Напротив, поддержал женщину в ее решении начать новую жизнь с тем, кого она безумно любила. Однако Гуэн небрежно бросил фразу, которая надломила уверенность Полины в том, что она все делает правильно.

– Ты парадоксальна, как и большинство людей: уходишь от того, кто подарит вселенную, к тому, кто эту вселенную отберет.

Весь игривый запал исчез, испарился, словно его и не было. После этих слов осталась горечь. Ощущение вины и смущения, появившееся внутри, возмутило Полину, она намеревалась грубо ответить, но передумала, не желая портить ужин, который до этого момента протекал мило и добро.

– И это мне говорит человек, – она все-таки не удержалась от колкости, – который сорок лет обманывает жену с…

– Не сравнивай! В наших отношениях с Эмме нет обмана. Она знает, что я люблю и ее, и Софи. К тому же Эмме проявила мудрость и благородство, приняв тот факт, что я не могу выбрать одну из них, не сделав при этом несчастными

всех троих.

– Понятия французов о любви и верности меня убивают. В ваших отношениях много фривольности и фальши, которую вы пытаетесь преподнести как заботу.

– Ты снова меня удивляешь. Рассуждаешь, как старушка, которой не повезло в любви. Пойми, дорогая, людей с разбитыми сердцами гораздо больше, чем счастливых влюбленных. Поэтому я предпочитаю радоваться и дарить любовь другим, несмотря на то, что порой это сложно сделать. В таких случаях я выбираю компромисс.

– И ваше нерушимое трио полное тому доказательство. Но в моем случае это невозможно. Не будет взаимных уступок, понимания… Будет больно всем.

– Тогда заканчивай с этим скорее. Не мучь Люка и, главное, себя, – посоветовал Гуэн и поднял бокал. – Выпьем за твою новую жизнь. Пусть она будет лучше прежней.

Сейчас, лежа на кровати и всматриваясь в полумрак комнаты, Полина размышляла над словами старика, пытаясь понять, какой на самом деле смысл был в них скрыт. Чтобы она одумалась, оставила своего возлюбленного и вернулась к мужу? Или же – что она будет непременно наказана за то, что предала мужчину, который любил ее?

– В том, что я не люблю Люка, моей вины нет, – пробормотала Полина. – Он знал об этом. Кроме того, я ведь не в первый раз ухожу от него.

Перевернувшись на живот, она потянулась к сумочке и

вытащила из нее телефон. По набранному номеру никто не ответил, лишь автомат предложил оставить сообщение.

– Я соскучилась. Позвони, когда освободишься.

Отложив телефон в сторону, Полина прошла к бару, налила себе виски и обрадованно побежала назад в спальню, услышав телефонную трель.

– Алекс, – восторг исчез, едва она увидела на экране имя звонящего. – Здравствуй, братик.

– Ты давно не звонила. Я начал беспокоиться. Как ты?

– Плохо, – призналась Полина, ожидая утешения, которого не последовало.

– Я рад. Уже встречалась с Люком?

– Нет. – Полина сделала глоток виски и улыбнулась в трубку. – Надеюсь, что не увижусь. Завтра заберу вещи и уеду из Парижа. Да, все дела в офисе я еще вчера передала Мануэлю, так что если возникнут какие-либо вопросы, звони ему.

– А ты?

– Завтра вечером вылетаю в Москву.

– С ним? – мягко поинтересовался Алекс и тут же взорвался: – Ну и дура ты! Сколько можно…

– Люблю тебя, – прервала его Полина. – Позвоню, когда прилечу, – добавила она и положила трубку.

Старшие братья Полины не одобряли разрыв с Люком, однако высказывались по этому поводу каждый по-разному. Майкл лишь однажды позволил себе презрительно осудить решение Полины развестись, в особенности когда узнал при-

чину, приведшую к этому. Алекс же не стеснялся в выражениях, характеризуя опрометчивое, по его мнению, поведение сестры. Родителям Полина еще ничего не рассказала об изменениях в жизни, что было неудивительно: виделись они редко, общались сухо, поэтому Полина не посчитала нужным поставить их в известность о том, что ушла от мужа. Конечно, рано или поздно это придется сделать, но, по крайней мере, не сегодня и даже не завтра. Возможно, когда прилетит в Москву и решится на встречу с ними. Или же им расскажут братья. Второй вариант казался наиболее удобным, так как в этом случае можно будет не тратить время на ненужные объяснения и оправдания.

В данный момент Полина думала только о двух вещах: почему Роман не звонит и как завтра избежать встречи с Люком? Еще раз с надеждой посмотрев на молчащий телефон, мысленно умоляя его зазвонить, Полина, убедившись, что гипнотизер из нее никуда не годный, сбросила платье и направилась в душ, мечтая под теплыми струями воды вернуть себе свежесть мыслей и твердость духа.

Глава 2

– Мадам Матуа!

Полина замерла на месте, услышав настойчивое обращение консьержа. Ранее он не делал подобного: всегда здоровался, но не задерживал у входа и тем более не бежал за ней к лифту, как вредная собачонка, которая норовит укусить за ногу. Первая мысль, пришедшая в голову, была о том, что мсье Леммер, придирчивый и дотошный бельгиец с колючим, острым взглядом и льстивой «крысиной» усмешкой, остановил ее, чтобы запретить подниматься в апартаменты. Наверняка он получил подобное распоряжение от Люка, теперь возьмет Полину под руку и с позором вытолкнет за массивную дверь на улицу. «Простите, но вам сюда нельзя. Верните ключи и выметайтесь, – внутренне содрогнулась Полина, глядя на неприятного консьержа, направляющегося к ней, и нервно потеребила ключи в руках. – Нужно было предупредить Люка, что я собираюсь собрать вещи. Теперь придется думать, кого за ними отправить и что делать, если Люк уже избавился от них».

– Мадам Матуа, вас так долго не было! – радостно прозвучал голос консьержа, который внезапно перестал казаться неприятным и превратился в относительно привлекательного мужчину, если не обращать внимания на плешь и чересчур любопытный взгляд. – Как отдохнули?

«Понятно! – с облегчением выдохнула Полина. – Значит, еще никто не знает о нашем расставании и путь открыт».

– Прекрасно, Эрик, – несколько высокомерно кивнула Полина, наказывая Леммера за испуг, который испытала секунду назад, и направилась к лифту.

– А ваши чемоданы? – окликнул ее Леммер, заставив сморщиться от неловкости. – Они в машине? Мне их принести?

Полина быстро нажала на кнопку вызова, обрадованная тем, что двери немедленно открылись перед ней.

– Чемоданы привезут позже, – соврала она, проскользнула внутрь и оперлась спиной о гладкую стену, почувствовав, как сильно бьется сердце в груди.

Казалось, стук его разносится по маленькому пространству лифта, эхом отдается в висках, заставляя полуприкрытые веки вздрагивать, а кожу холодеть. Кабина лифта остановилась, дверь открылась, впустив внутрь свежий воздух. Мгновенно стало легче дышать, душевное напряжение также исчезло, но тело вдруг окаменело. Усилием воли Полина заставила себя выйти в коридор и, едва сгибая ноги, направилась к двери квартиры, в которой прожила с Люком более трех лет. «Успокойся, – шептала она. – Внутри никого нет. Будто на гильотину идешь! Ну, мать, расслабься. Соберешь вещи и свалишь. Adieu[6], Париж, Люк. И пошли все к черту!»

В просторной прихожей было тихо и светло. Полина быст-

---

[6] Прощай (фр.).

ро осмотрелась, с удовольствием отметив, что с момента ее ухода видимых перемен не произошло. Даже воздух не изменился: вокруг витал аромат парфюма Люка, запах дерева и кофе, который, кажется, варили незадолго до ее прихода.

Полина обожала эту квартиру, декорированную в буржуазном парижском стиле, находящуюся в доме, построенном в начале двадцатого века. Люк купил ее за несколько месяцев до свадьбы, сказав, что апартаменты будут их первым семейным приобретением. Тогда Полина восприняла этот богатый подарок с непривычным для себя равнодушием, однако спустя время все изменилось. Квартира настолько полюбилась мадам Матуа, что каждый раз, когда она открывала входную дверь и останавливалась на пороге, искренне благодарила мужа за щедрость и тонкий вкус. В огромных комнатах не было ярких красок, модных планировок, вызывающих акцентов. Здесь были только приглушенные, теплые тона, ненавязчивый декор, много дерева, воздуха и света. Клокочущая за окнами жизнь, казалось, абсолютно не проникала внутрь, где витала аура безмятежности, которую невозможно было передать словами, лишь почувствовать, задержавшись у окна, прикрытого темным бархатом, или проведя пальцами по ореховым панелям в широком коридоре-галерее.

Полина шумно вдохнула в себя ароматный воздух и счастливо улыбнулась, словно вернулась туда, где ее с нетерпением ждали. А после, поддавшись необъяснимому желанию,

сбросила туфли и с наслаждением прошлась босыми ногами по теплому полу, присела на мягкий подлокотник дивана и, наклонившись к вазе с любимыми цветами Люка – хризантемами, с нежностью провела пальцами по белым махровым лепесткам.

– Вижу, ты скучала по дому.

От неожиданности Полина вздрогнула и, вскочив, повернулась на голос. На пороге комнаты стоял Люк в расстегнутой рубашке, небрежно покачивал бокал с коньяком в руке и делал вид, что ему безразличен внезапный визит жены. Однако за маской спокойствия и безучастности Полина безошибочно угадала нервозность и гнев. Люк был хорошим актером и мог обмануть кого угодно, только не ее, ибо она отлично знала все уловки, которые с легкостью сбивали с толку всякого человека, не склонного к артистизму. «Тот, кто не умеет играть, не способен ко лжи, следовательно, может быть сам легко введен в заблуждение, – часто говорил Люк и добавлял: – С бесхитростными прямолинейными баранами неинтересно сражаться. Куда занимательнее прижать хвост коварной змее, которая открывает свое истинное лицо тогда, когда этого не ожидаешь». Да, в этом был весь Люк – мастер интриги и лицедейства, сладкоречивый и одновременно безжалостный.

– А я вижу, что ты в печали, – она указала рукой на белые хризантемы, которые на Востоке считались символом скорби. – Не по мне ли грустишь, дорогой?

– Праздную твое позорное бегство, – Люк беззлобно усмехнулся в ответ на это колкое замечание и отступил в сторону, пропуская Полину в спальню. – Не ожидал, что ты вернешься. Уже хотел отвезти твои вещи на помойку.

Полина рассмеялась с ноткой истерики, чем выдала сильную нервозность. Но внутреннее беспокойство не помешало ей отметить, что в комнате, как и во всей квартире, ничего не изменилось: все осталось на своих местах, любовно хранилось и защищалось от пыли. На туалетном столике стояли любимые духи, которые она забыла забрать с собой в тот день, когда в спешке покидала квартиру. Там же лежали расческа, два журнала о моде и недочитанная книга, страницы которой Полина заложила фантиком от конфеты. Она не прокомментировала увиденное, чтобы напрасно не злить Люка, подошла к шкафу и открыла его, решая, какие из вещей заберет с собой сегодня, а за какими пришлет позже. Затем направилась в кладовую за чемоданами, перенесла их в спальню и принялась складывать в один – одежду, в другой – обувь и аксессуары.

Люк безмолвно наблюдал за действиями жены, только улыбался, отмечая ее торопливые движения. Подобная поспешность и беспокойство были несвойственны Полине, всегда отличающейся выдержкой и сохраняющей самообладание в любых ситуациях, даже чрезвычайно запутанных и непредсказуемых. Похоже, неверная женушка нервничала, значит, была уязвимой, и ее легко можно было ранить как

словом, так и действием. Однако мучить Полину Люку не хотелось, несмотря на ярость, которая закипала внутри лишь при одной мысли об измене. Он думал, что уже пережил боль, когда Полина попросила развод и сбивчиво объяснила причины. «Больше не люблю тебя». – «Любишь другого?» – «Нет». Было больно слышать это, но узнать, что она солгала, – еще хуже. Когда «добрые друзья» рассказали, что Полина и ее любовник вместе живут в отеле, с ним едва не случился удар. Сердце замерло, сжалось в груди, а потом загорелось. Стало трудно дышать, по вискам струился пот, тело дрожало. Сама мысль, что Полина спит с кем-то, была невыносимой. В тот момент хотелось убить ее и того, кто к ней прикоснулся, что он и сделал бы, если бы Полина вовремя не уехала из города. Она словно почувствовала грозящую ей опасность и быстро сбежала к братьям в Лондон. Впрочем, за это Люк был ей благодарен, так как не хотел, чтобы ее кровь осталась на его руках. Чья угодно, только не ее.

Однако прощать подобное унижение Люк также не намеревался. Осталось только подождать удачного случая и нанести удар, чтобы поняла наконец, как это больно быть преданным самым дорогим человеком. К тому же она обманывала его не в первый раз, но, видимо, случившееся однажды всегда повторяется. Этого Люк, к сожалению, не учел.

– Всегда считал, что молния не бьет дважды в одно место, – сказал он, присев в кресло у окна. – Может, обратишь на меня внимание!

Полина отложила вещи в сторону, обернулась и демонстративно холодно оглядела мужа, который скоро будет «бывший», и снова принялась укладывать платья и шарфы в чемодан.

– Твой русский на тебя плохо влияет, – заметил Люк, с улыбкой на губах рассматривая ее круглый зад. – Мне кажется или ты поправилась?

– Тебя это не должно волновать, – нахамила Полина. – Ни моя жопа, ни моя личная жизнь уже не имеют к тебе никакого отношения.

– Разве? – спросил Люк, резко поднялся и, стремительно подойдя к Полине, схватил ее за плечи. – Ты все еще моя жена. И пока ею остаешься, я имею на тебя все права. Захочу – убью прямо сейчас.

– А что сделаешь с трупом?

– Сожгу в камине.

Он улыбнулся, а Полина, глядя на задорные ямочки на его щеках, едва не расплакалась. Как всегда, они смягчили его слишком холодное лицо, сделали снисходительным. И все же в светло-карих глазах затаилась угроза, которую ничем нельзя было скрыть. Губы застыли в заученной, якобы доброй улыбке, а подбородок едва заметно подрагивал. Было очевидно, что Люк взбешен. Но также чувствовалось, что он сгорает от страсти, прикасаясь к жене. Еще немного – и Полина ответила бы, уж слишком явным было его чувственное влечение, не откликнуться на которое мог лишь либо очень

сильный, либо бесстрастный человек. Полина не являлась ни тем, ни другим. Она была слаба в сравнении с Люком и темпераментна, однако нашла в себе силы остановиться.

– Отпусти, – прошептала она, глядя на губы мужа, находящиеся в опасной близости.

– Шлюха, – беззаботным голосом произнес Люк, прекрасно понимая, куда она смотрит, затем легко оттолкнул Полину от себя.

Она удержалась на ногах, но была оскорблена как словами, так и действиями мужчины, для которого еще недавно была образцом чистоты.

– Мне жаль, что все так произошло, но я уже ничего не могу изменить. – Полина замолчала, сжалась всем телом, заметив, что Люк занес руку, намереваясь ударить.

Удара не последовало. Люк сдержался и отошел в сторону. Лицо его было красным от гнева, словно на него кто-то накинул удавку и сжимал, заставляя вены на шее набухать и тревожно пульсировать.

– Жаль?! – в голосе его послышались рыдания, но тотчас же они исчезли. – Тебе жаль? – уже спокойно переспросил он. – Меня или себя? Нет, не отвечай, я не хочу слышать твои оправдания. Лучше уходи.

– Что я и собираюсь сделать, – пробормотала Полина. – Я вообще не намеревалась с тобой встречаться. Не хотела провоцировать на подобные сцены. Думала, что ты уедешь в офис, а я тем временем…

– Как трусливая кошка, сбежишь, второпях собрав шмотки? Как в прошлый раз? История повторяется. Самое смешное, что в тот раз ты ушла от меня из-за этого чертова русского и теперь уходишь к нему же. Он наконец понял, какая ты, и принял?

– Да, – Полина стала с удвоенной скоростью укладывать вещи, – мы решили жить вместе.

– В первый раз он бросил тебя как ненужную вещь и теперь бросит. В этом я не сомневаюсь. Хотя у тебя, видимо, абсолютно отсутствует гордость, раз ты допускаешь подобное отношение.

– У тебя тоже, иначе ты не устроил бы эту беспомощную сцену ревности, – она вжала голову в плечи, ожидая расправы за подобное высказывание.

Наказания не последовало, наоборот, Люк громко рассмеялся, будто остался доволен неожиданной смелостью жены.

– Мои адвокаты свяжутся с тобой, – сказал он, выходя из комнаты.

– Буду ждать с нетерпением, – сквозь зубы произнесла Полина, вывезла чемоданы в прихожую и поставила их у двери. – Люк, – она зашла в гостиную и остановилась перед диваном, на котором сидел муж и без интереса наблюдал за движущейся картинкой в телевизоре. – Я заберу остальные вещи позже. Ты не станешь возражать, если они еще некоторое время побудут здесь?

– Как пожелаешь.

– Люк, – снова позвала его Полина, уже жалобно, с горечью, – пожалуйста, посмотри на меня.

Он послушался, поднял голову, внимательно вглядевшись в женщину, которую когда-то полюбил с первой встречи и уже вряд ли сможет разлюбить. Высокая красавица со светлой кожей, темно-серыми, почти черными глазами, каштановыми волосами, всегда элегантная, зовущая, – Люк не знал, как будет жить без Полины, но также не представлял, что простит ее вероломное предательство.

– Ты плохо выглядишь, – сказала она, дотронувшись пальцами до его волос. – Не похож на себя. Разбитый, хмурый…

– Считаешь, я должен радоваться твоему плевку в душу? Прости, не могу.

Он снова осмотрел ее, словно пытался запомнить навсегда, отчего Полине стало неимоверно больно. Виноватые, оттого вдвойне горькие слезы покатились по щекам, и она быстро смахнула их. Люк, не отрываясь, продолжал разглядывать ее. Волосы собраны в тугой узел на затылке, легкий макияж, подчеркивающий живость и молодость лица, одетая в простую бордовую блузу и узкие брюки, она выглядела великолепно и прекрасно знала об этом.

– Уходи.

– Мсье Леммер заберет мои вещи, – она указала в сторону чемоданов. – Прости, Люк. Я не хотела, чтобы все закончилось таким образом.

– Уйди, иначе… – угрожающе прошипел Люк, и Полина,

не дожидаясь продолжения, выбежала из квартиры.

У лифта она остановилась и перевела дыхание. Затем спустилась вниз, попросила консьержа доставить вещи в Lancaster Paris и вышла на улицу, решив прогуляться по городу, так как возвращаться в отель не хотелось. Там ее никто не ждал, а одиноко грустить в комнате Полина не собиралась. Конечно, нужно было паковать чемоданы, ведь она решила уже завтра вылететь в Москву, но Роман так и не перезвонил, и Полина не знала, как охарактеризовать его молчание. Может, он снова передумал быть с ней? «Третьей отставки» она точно не переживет, но и не простит, как две предыдущие.

Перейдя шумную улицу, Полина свернула в узкий тихий переулок, где находился ее любимый ресторанчик, уже несколько столетий принадлежащий милому семейству, старательно хранившему традиции, доставшиеся в наследство от предков. Простые и одновременно изысканные блюда, подаваемые здесь, не менялись на протяжении десятилетий. Рецептуру усовершенствовали лишь однажды, еще до войны. Первой или Второй мировой, никто не уточнял, но связано это было с посещением сего места некой королевской особы, заявившей, что блюдам не хватает остроты и аромата, а шеф-повар не обладает должной фантазией в оформлении яств. Все немедленно исправили, посчитав, что такой важной персоне нельзя не доверять. Быстро заменили повара, а новый полностью изменил гастрономическую концепцию ресторана, однако уже через несколько недель все вер-

нулось на круги своя, ибо постоянные посетители, разочарованные экспериментами, начали покидать заведение. Старого шефа умолили вернуться, вместе с ними обратно пришли прежние клиенты, репутация заведения была восстановлена и тщательно охранялась по сей день.

Заказав бокал вина, Полина присела за любимый столик у стены и задумалась о Люке. Быть может, она совершила ошибку, уйдя от него? Или же нет, ошибкой был брак с ним, и эту оплошность, причинившую боль обоим, уже невозможно исправить. Посмотрев на бокал, который незаметно опустел, она подозвала официанта. Попросила принести бутылку вина, хлеб с сыром и мясную закуску, потом отменила мясо и сыр, оставила лишь вино. Через несколько минут паренек вернулся с бутылкой вина, наполнил бокал и удалился, а Полина, оставшись в одиночестве, не замечая веселого гула голосов посетителей, с горечью принялась вспоминать, что именно привело ее в этот ресторан и отчего на душе так, словно ее изгадили кошки.

В жизни Полины мужчины всегда были и, по всей видимости, останутся камнем преткновения. Из-за них она совершала ошибки, после сокрушалась, но постоянно наступала на одни и те же грабли. Ее любовные отношения проходили по сценарию, суть которого никогда не менялась. И в этом сценарии Полина всегда выступала в роли особы, разочарованной жизнью, несчастной и обвиняющей в личных горестях кого угодно, только не себя.

Началось все в восьмом классе, когда она безответно влюбилась в светловолосого дерзкого юнца, тихо вздыхала от невнимания, а после открыла свои чувства, но и пригрозила, что, если он не ответит взаимностью, очень пожалеет об этом. Внешность того мальчишки уже давно стерлась в памяти, помнилась лишь причиненная им обида. Он с детской жестокостью посмеялся над ее чувствами и рассказал обо всем своим друзьям. Сейчас та влюбленность казалась забавной, но тогда Полина ужасно страдала, и не только потому, что была отвергнута, а из-за невозможности поделиться с близкими своим детским горем. Подруг у нее не было, так как никто не хотел дружить с «замкнутой зазнайкой», какой считали ее в классе. С родителями отношения были прохладными, оттого что мать с отцом занимались собой, бизнесом и младшей сестрой Катей, на которую возлагали большие надежды, проча ей великое будущее пианистки-балерины-теннисистки. Девочка занималась во всех кружках, но так нигде и не преуспела. Старшие братья жили в другой стране со своим отцом и его новой семьей, и на их поддержку было сложно рассчитывать, хотя они обожали Полину и обещали прилететь в тот же день, когда сестра попросит о помощи. На Катю, к сожалению, подобная отзывчивость не распространялась, и Полина винила в этом их мать, Елизавету Карловну.

Эта роскошная особа, которая в свои пятьдесят пять выглядела лучше, чем некоторые в тридцать, дважды побыва-

ла замужем: первому супругу она подарила двух сыновей, второму – дочерей. Сергей Дмитриевич, отец Полины, ужасно ревновал жену к ее бывшему мужу, поэтому злился всякий раз, когда Елизавета Карловна общалась со своими сыновьями, которых с безразличием кукушки передала на воспитание первому мужу, когда решила выйти замуж во второй раз. Подобная несерьезность возмущала Полину, она не могла понять, как мама так легко смогла переключиться на новую семью. Елизавета Карловна и Сергей Дмитриевич никогда не вдавались в подробности своего прошлого, на вопросы отвечали неохотно, порой и вовсе окриком останавливали любопытство дочерей. Подобная холодность заставила Катю, младшую сестру Полины, отдалиться от братьев. Они редко встречались, а когда виделись, больше ссорились, чем мирно разговаривали. Зато Полина любила Майкла и Алекса, часто звонила им, ездила на каникулы в Лондон, где они жили с отцом, который искренне любил дочь своей первой жены. Эти необычные и нежные отношения служили поводом для приступов ярости и ревности со стороны отца. Сергей Дмитриевич не понимал, что девочка страдает от невнимания, которое со временем переросло в равнодушие, лишь по-детски злился, когда она в очередной раз просила отпустить ее в Лондон к братьям и Марку, первому мужу Елизаветы Карловны. «Предательница», – бросал он в лицо старшей дочери, не задумываясь, какую боль причиняет, и спешил к младшей, своей любимице.

Наверное, Полина никогда не сможет простить ему подобного отношения, ибо оно привело к тому, что во всех мужчин, бесстрастно отвергавших ее, она горячо влюблялась и всеми силами старалась привязать к себе, а тех, кто искренне обожал ее, неизбежно теряла. Такая модель поведения была безотчетно навязана отцом, первым мужчиной в жизни, которого она любила и который проявил к ней холодность. Много лет она завоевывала его внимание, боролась за мельчайшую частичку нежности, но тщетно. Сергей Дмитриевич так и остался безучастным к своей старшей дочери.

Именно поэтому «простые» отношения с мужчинами для Полины не представляли интереса, она бессознательно шла к борьбе чувств, получала необходимые ей эмоции в жарких «военных баталиях», а после, поверженная, рыдала на груди одного из братьев. Единственным исключением из правил был первый муж Полины – Грэг Отон. Этот молодой и веселый англичанин научил нежности и доверию, однако он слишком быстро ушел из ее жизни: погиб в аварии, оставив в душе Полины боль утраты и разочарования. С момента смерти Грэга прошло уже много лет, но нежность к нему до сих пор жила в каждой клеточке тела. Забылось его лицо, тембр голоса, теплота рук, зато помнилось ощущение покоя, когда он обнимал ее, и радость, наполняющая душу при одном лишь взгляде. Пожалуй, так искренне и спокойно Полина уже никогда не сможет любить. И подтверждением этому была нынешняя сумбурная влюбленность в Романа Сафоно-

ва, ради отношений с которым она разрушила удобный брак с Люком.

Люк. Как ни крути, все возвращается к нему. Они познакомились в Лондоне за несколько месяцев до того, как Полина переехала в Париж, чтобы возглавить один из филиалов компании, принадлежащей братьям. За плечами было вдовство, последующее за ним множество неудачных любовных романов и отчаянное пристрастие к алкоголю, которым она пыталась заглушить страх одиночества. Со стороны Полина казалась успешной и счастливой, однако мало кто знал, что на самом деле скрывается за лучезарной улыбкой и томным взглядом. Душа и тело давно устали от «прыганья» из одной постели в другую, флирт больше не привлекал, назойливое внимание поклонников начало вызывать отвращение. Так случилось, что Люк Матуа сумел выгодно выделиться на фоне мужчин, замечающих только красивую внешность и финансовую самостоятельность Полины. Он словно проник в тайные мечты, предложив ее мятущейся натуре постоянство и, главное, семью. Но, как позже выяснилось, Полине это не было нужно. Во всяком случае от Люка. Влечение, которое она испытывала к мужу в начале брака, вскоре испарилось, пришли обычные будни, и они раздражали, как ничто другое. Полина не хотела возвращаться после работы домой, придумывала множество дел, лишь бы не видеть Люка, сгорающего от любви к равнодушной жене. Она никогда не скрывала своей холодности, хотя и понимала, что ранит

этим Люка. Впрочем, ей были безразличны его чувства. Как любой эгоист, Полина думала только о себе, поэтому не испытала ни малейшего сожаления, когда впервые изменила мужу. Наоборот, обрадовалась тому, что внутреннее напряжение исчезло и в душе появилась легкость. Первого любовника быстро сменил второй, потом третий, и вскоре список стал весьма внушительным. Люк не догадывался о тайной жизни супруги, более того, радовался ее хорошему настроению, когда она, румяная и расслабленная, возвращалась из отеля, где встречалась с очередным «антидепрессантом».

Все разрушилось, когда в жизни Полины появился Роман. Чувства к нему закружили, испугали, но также сделали счастливой. Не задумываясь, Полина бросила мужа и поспешила навстречу настоящей, как ей показалось, любви и была полностью уничтожена, когда Роман заявил, что не намерен строить с ней дальнейшие отношения, так как это абсолютно не входит в его планы. Слушая его, Полина словно вернулась в восьмой класс, когда ее первая любовь с таким же равнодушием в глазах произносила слова, разрубающие ее сердце на части.

– Дорогая, возвращайся к мужу, – улыбался Роман, обнимая Полину за плечи. – У нас ничего не получится, так как мы совсем разные. Ты желаешь постоянства, а я слишком люблю свободу. Я не смогу жить в клетке, как и лгать тебе.

Спустя день после того, как Роман уехал из Парижа, Полина, горько рыдая, умоляла Люка о прощении. Странно, но

он внял мольбам, хотя решил о ней забыть навсегда. Люк, к несчастью для себя, любил Полину, поэтому простил. Много месяцев Полина была примерной женой, нежной и заботливой, а после снова заскучала. Правда, «пойти налево» не решалась, Люк пристально следил за каждым ее шагом, да и после Романа ни один мужчина не привлекал настолько, чтобы впустить его в свою постель. Целый год она сражалась с «ветряными мельницами» в душе: мужа не любила, но и уйти боялась, каждый день думала о Романе, ненавидела его и продолжала страстно желать. А потом он снова появился в ее жизни, однако опять ненадолго. Уехал, оставив в слезах и смятении, но быстро вернулся, на этот раз с другими намерениями. Роман предложил быть вместе, что обрадовало и испугало. Полина боялась очередной игры с его стороны, но решила рискнуть. Появилась новая проблема, как сказать Люку о том, что она уходит к Роману во второй раз. Счастливая и влюбленная, Полина хотела подождать с разговором и исчезла на три недели, уехав с Романом сначала в Лондон, потом в Москву. Она поступила жестоко и понимала это, но ничего не могла сделать со страстью, которая снова зажглась внутри, заставив забыть обо всем: о муже, братьях, репутации.

Странно, но только сейчас, сидя в ресторане, Полина начала осознавать, отчего все это время отвергала Люка. В нем не было ничего отталкивающего, более того, Люк – привлекательный мужчина, на которого многие женщины обраща-

ли внимание. Но он оказался слишком доступным и оттого неинтересным. Да, порой Люк проявлял гордость и высокомерие, как и большинство выходцев из аристократических семей, к тому же не гнушался коварства и агрессии, когда «топил» конкурентов по бизнесу, но с Полиной всегда вел себя одинаково. Излишне мягко, чересчур воспитанно и уравновешенно, в общем, пресно и невкусно. Люк слишком легко ей достался, за него не нужно было бороться, добиваться внимания, он сам «приплыл в руки», без каких-либо усилий. И именно поэтому отношения с ним быстро покрылись плесенью скуки, серости и однообразия. Вместе с тем Полину долгое время устраивал этот брак, пусть и лишенный страсти, зато «сытный и богатый».

Звонок телефона заставил отвлечься от мыслей о муже, жалость к которому начала душить, загоняя в угол безысходности. Полина, быстро забыв о чувстве вины, счастливо улыбнулась, когда увидела имя того, кто желал с ней поговорить.

– Роман! – воскликнула она в трубку. – Наконец-то! Я уже начала думать, что ты забыл обо мне.

– Такую, как ты, невозможно забыть. Прости, вчера не получилось позвонить. Уже собрала вещи?

– Почти. Значит, все в силе?

– Разумеется. Только тебе придется лететь в Москву без меня.

– Что?! Неужели ты…

– Мне нужно остаться в Лионе еще на несколько дней, – перебил Роман. – Забери мои вещи из отеля. Встретимся дома.

– Сафонов, – угрожающе протянула Полина, – когда-нибудь я убью тебя.

– Позже, – рассмеялся Роман. – Все, кладу трубку. Меня зовут.

– Целую, – сказала Полина, но было поздно, Роман уже не слышал ее. – Все вы гады, мерзкие и отвратительные. Все, кроме Люка.

Глава 3

Москва встретила приятной суматохой и сияющим солнцем, что было особенно приятно, так как Полина устала от хмурого и сырого Парижа. Хотелось яркости и свежести, наверное, оттого, что душа жила ожиданием чего-то нового и необычного. Приехав в квартиру Романа на Новом Арбате, Полина намеревалась отдохнуть несколько дней, заняться обустройством дома, внести в него частичку себя, но планы пришлось срочно менять. Клиенты компании звонили, требуя личного участия мадам Матуа в удовлетворении их желаний. Отказаться не было возможности, пришлось исполнять их прихоти, мило улыбаясь и тихо ненавидя всех при этом.

– Терпи, – советовал Алекс, когда Полина в очередной раз позвонила ему, умоляя забрать часть заказов.

– Зачем мы открыли офис в Москве? Что они здесь делают, в носу ковыряются?

– Филиал загружен до предела, и тебе об этом известно. Поэтому своих клиентов веди сама, а то я скажу Майклу, что наша заносчивая сестрица не справляется с поставленной перед ней задачей. Поверь, он быстро найдет тебе замену.

– Кто бы сомневался, – проворчала Полина. – Просто я хотела несколько дней отдохнуть.

– Где же ты так устала? – ехидно поинтересовался брат. – Сафонов утомил?

– Он еще в Лионе. Пока я одна в Москве.

– А ты уверена, что он вернется?

Алекс явно желал разозлить Полину, но она решила не поддаваться на уловки и спокойно закончить разговор. В последнее время они много ссорились, и всегда главным предметом раздора являлся Роман.

– Уверена, – ответила Полина. – Ладно, извини, что жаловалась тебе. Я люблю свою работу, но сейчас… Еще раз прошу прощения.

– С каких пор ты вдруг стала проявлять вежливость по отношению ко мне?

– Я всегда была учтивой. Но если продолжишь доставать меня, сорвусь и наговорю гадостей.

– Вряд ли, – усомнился Алекс. – Ты стала закрытой, что мне не нравится. Больше отмалчиваешься, на откровенный разговор не идешь, словно боишься меня.

– Потому что я устала от осуждения и постоянных колкостей в свой адрес. Ты только и делаешь, что кричишь и жалеешь Люка. Хотя все должно быть наоборот.

– Считаешь, Люк виноват в том, что ты наставила ему рога?

– Не передергивай. Я лишь хотела сказать, что ты не о нем должен думать, а обо мне. Я несчастлива, и если бы было наоборот, ни за что не ушла бы от него. Неужели непо-

нятно?! Мне нужна поддержка, – голосом, полным слез, добавила Полина, зная, что такой тон непременно разжалобит Алекса.

– Осуждать больше не стану, как и поддерживать. Видишь ли, я уверен, что твои новые отношения ни к чему не приведут. И боюсь, когда он в очередной раз исчезнет из твоей жизни, ты снова начнешь пить, а нам с Майклом придется поместить тебя в клинику.

– Я все поняла, – улыбнулась в трубку Полина и, желая избавиться от нравоучений, без дрожи в голосе солгала, как профессиональная актриса или тот, кто много практиковался: – Мне звонит клиент. После перезвоню.

Закончив разговор, она заварила себе кофе и долго рассматривала город из окна, стараясь избавиться от неприятного волнения, оставшегося после беседы с братом. Слова Алекса показались пророческими, а переезд в Москву виделся авантюрой, итогом которой станет очередная порция боли и одиночества. Хотелось поделиться с кем-нибудь страхами и переживаниями, однако подходящей персоны для душевного разговора не нашлось: с сестрой Катериной они встречались только на официальных семейных мероприятиях, подруг в Москве не было. Впрочем, одна имелась, но эта девица сейчас проводит время с любовником в Париже и вряд ли утолит потребность Полины в общении. И все же она набрала номер подруги, а после семи длинных гудков отключила вызов, понимая, что никто не ответит. Молчание Ма-

рины, как и ее поведение, показались странными, потому что она никогда не отказывалась поболтать с Полиной. К тому же утверждала, что любовники ей не нужны, так как любит мужа и не знает мужчины, который мог бы с ним сравниться.

– Андрюша идеальный. Добрый, умный, интересный, – говорила Марина. – У него, черт подери, лишь один недостаток!

– Его возраст? – спрашивала Полина. – Сколько ему? Семьдесят?

– Прекрати! Андрюша находится в расцвете сил.

– Как Карлсон, – уже давясь от смеха, уточняла Полина.

– Пятьдесят девять, – хохотала следом Марина. – Женщину в шестьдесят лет называют старухой, а мужчина в этом возрасте только вступает в эпоху зрелости.

– Скорее перезрелости, – Полина вытирала мокрые от слез глаза. – Так какой недостаток имеется у твоего молодца?

– Он слишком любит меня.

– Разве это плохо?

– Утомляет, – отвечала Марина, а Полина удивлялась, забывая о том, что сама тяготится чрезмерным обожанием Люка, которое буквально не давало дышать, раздражало и изматывало. – Когда кто-то любит, не зная меры, – это пугает. Такой человек становится опасным. Один неверный шаг, незначительный проступок – и все может кардинально измениться. Нежность перерастает в грубость, любовь становится ненавистью. История знает примеры, когда ревност-

ные возлюбленные становились непримиримыми врагами и пытались друг друга уничтожить.

– Отелло и Дездемона?

– А еще Анна Болейн и Генрих VIII. И некоторые из наших общих знакомых, у которых все начиналось красиво и грандиозно, а потом они в лучшем случае «обливали друг друга грязью».

– А в худшем?

– Нанимали киллеров. В общем, любовь не должна быть огромной и величественной. В таком виде она имеет ограниченный срок хранения.

– А мне кажется, что слишком простые чувства долго не живут.

– Ошибаешься. Чем меньше в чувствах крайностей, условий и преград, тем они интереснее и длительнее.

«Неужели ты устала от своего идеального Андрюши? – подумала Полина и вздрогнула от прозвучавшего в тишине квартиры телефонного звонка, но, увидев на экране телефона имя Андрея Шемеса, мужа Марины, усмехнулась, как старая гадалка, слова и мысли которой воплощаются в реальность. – Лучше бы о миллионе вспомнила».

– Здравствуй, золотко, – тепло поздоровался Шемес.

– Добрый день, Андрей Адамович!

– Есть время? Может, встретимся?

– Когда?

Шемес назвал время встречи и ресторан, где будет ждать

Полину.

– Марина составит нам компанию?

– Мы будем одни. Не опаздывай, солнышко.

– Что-то случилось? – насторожилась Полина, ибо голос Шемеса показался загадочным, будто он хотел о чем-то спросить, но не знал, как это сделать, чтобы не скомпрометировать себя. – Андрей Адамович, не молчите. Все в порядке?

– В полном, – заверил Шемес и еще раз попросил Полину не задерживаться.

Полина поправила макияж, оглядела себя в зеркало и, удовлетворенно кивнув отражению, быстро вышла из квартиры. У подъезда пришлось долго стоять в ожидании такси, что заставило нервничать, так как появиться позже, чем оговорено, она считала признаком дурного тона. По дороге в ресторан Полина опять набрала номер Марины, и снова ей никто не ответил. «Вот сучка! – выругалась она и испуганно встрепенулась: – Неужели Шемесу стало известно о Маринкиных похождениях? Впрочем, даже если и узнал, какое я имею к этому отношение? Другое дело, если бы я устроила ей свидание с любовником, тогда с меня был бы спрос, – Полина вдруг улыбнулась и прикрыла рот ладошкой, пряча от таксиста свое игривое настроение. – Бедный Адамович! Наверняка он ни о чем не подозревает. А в ресторан позвал, чтобы я помогла устроить очередной сюрприз для шлюшки Маринки, которая в этот момент ему рога наставляет».

– Полина, я уже приехал, – напомнил Шемес о себе ко-

ротким звонком.

– А я как раз подъезжаю. Еще пять минут, Андрей Адамович, и мы встретимся.

Шемеса Полина всегда звала по имени-отчеству, несмотря на то, что тот давно предлагал перейти на дружеский вариант общения. Язык не поворачивался фамильярно «тыкать» этому почтенному господину, который был старше ее почти в два раза. Даже настойчивые просьбы Марины ничего не изменили – Полина продолжала подчеркнуто вежливо обращаться к Андрею Адамовичу. К тому же он был давним клиентом компании, а тех, на кого работала, Полина всегда называла на «вы», вне зависимости от возраста и положения. Конечно, бывали исключения, правда, они случались редко и касались лишь тех, кто имел непосредственно близкое отношение к семье Полины. В число этих исключений входила Марина Маргулис, которая когда-то была одноклассницей Алекса, еще в ту пору, когда братья жили в Москве. После переезда в Лондон к отцу Алекс и Марина потеряли связь друг с другом, встретились уже тогда, когда Марина, неизвестно какими путями разбогатевшая, решила подтвердить свой элитный статус и стать клиентом VIP-life concierge. Это произошло чуть более десяти лет назад, в ту пору, когда компания только начала развиваться.

С того момента небольшая фирма, нацеленная на работу с богатыми и авторитетными персонами, превратилась в огромную компанию, работающую на благо толстосумов,

требующих к себе нестандартного внимания, повышенного уровня комфорта и удовлетворения любых желаний. Под словом «любых» понималось все что угодно, только не простота и пристойность. Наоборот, почетом пользовалась богатая фантазия, и чем фееричнее она была, тем больше денег зарабатывала компания, претворяя в жизнь мечты своих клиентов. Грандиозные вечеринки со звездами шоу-бизнеса, эксклюзивный отдых и развлечения во всех точках земного шара, в общем, удовлетворение любого каприза – таковой была деятельность VIP-life concierge. Полина, ее братья и другие сотрудники неустанно работали, создавая агентству репутацию «магов», тех, кто умел несбыточные грезы превращать в реальность. Конечно, эти перевоплощения весьма дорого оценивались, однако клиенты готовы были платить любые деньги, лишь бы получить желаемое.

Иногда капиталисты спускались с небес на землю и делали вполне обычные заказы, такие как организация свадебного путешествия по Карибскому бассейну или же помощь в подготовке сюрприза для жены в честь дня ее рождения, покупка необычного подарка любовнице с условием, чтобы о нем не узнала супруга, заказ столика в модном ресторане, доставка цветов или воздушных шариков с признанием в любви, а также многое другое, что делает жизнь интересной и яркой. Но порой заказы клиентов ставили в тупик своей вычурностью и желанием покрасоваться перед такими же «фантазе-

рами»-друзьями. «Я вчера слушал «Фальстафа»[7] в «Ла Скала»[8]. – «В чьей компании?» – «Один, разумеется». – «В одиночестве в огромном зале?!» – «Было соответствующее настроение». Далее следовал театральный вздох, а ему предшествовало одухотворенное выражение лица. Таких клиентов, которые старались «особо» впечатлить знакомых и наслаждались от того, какой эффект они производят своими поступками, Полина называла «истероидами». Их желания, разумеется, были претенциозными, но работать с ними было намного интереснее, чем с теми, кто просто желал познакомиться с членами королевских семей, кино-рок-поп-звездами и другими знаменитостями, лица которых часто мелькают по телевизору. Эти клиенты, «звездули», как их окрестили сотрудники компании, не отличались особой выдумкой и просто желали «засветиться» с какой-нибудь известной личностью, будто в их компании они сами становились знаменитыми на весь мир. А наутро после ужина с «мегастарр» европейского или американского формата они делали рассылку фотографий со своего телефона по всем имеющимся в записной книжке адресам с подписью: «Зацените, какой вчера был отрыв!» Чаще всего в роли «звездуль» выступали богатенькие бабенки – дочки, молоденькие супруги, любовницы бизнесменов, политиков и просто богатых людей,

---

[7] Опера Джузеппе Верди по пьесам Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские насмешницы», охарактеризованная им самим как лирическая опера.

[8] Оперный театр в Милане.

готовых удовлетворить любую прихоть своих любимых дам. Глупые и капризные, порой очаровательные и веселые, они приносили много денег VIP-life concierge, поэтому являлись желанными гостями в любом филиале компании начиная от Москвы и заканчивая Нью-Йорком или Рио.

Но самой сложной группой клиентов были «марсиане», так в агентстве называли тех, кто требовал немедленного осуществления каприза именно в том виде, в каком он озвучивался. Для «марсиан» не имела значения сложность заказа, наиважнейшим показателем было лишь личное удовлетворение. В VIP-life concierge даже составляли рейтинг сумасшедших желаний – постоянное напоминание того, насколько неадекватными бывают люди. В споре за то, кому отдать пальму первенства, голоса сотрудников разделились, поэтому первое место уже три года занимали два красавца из римского и лондонского офисов. Один из них пожелал стать королем государства, не имеет значения какого, хоть африканского, главное – быть коронованной особой. Вторым был престарелый алкоголик, имеющий огромные счета в нескольких банках на Каймановых островах, решивший устроить для друзей пикник в лунном кратере. Разумеется, господам-извращенцам было отказано в силу невозможности исполнить желаемое, однако эти двое не теряли надежду. Первый уже заказал себе корону в известном европейском ювелирном доме. Второй каждое утро выходил на пробежку, но уже к вечеру заливал в желудок два литра виски, а остаток

ночи, видимо, бродил по лунным пляжам.

– Полина, красавица моя, как я рад тебя видеть!

Шемес поднялся с кресла и раскрыл объятия.

– Мы же встречались недавно.

– Два месяца назад. Разве это недавно? Я уже успел забыть, как ты выглядишь.

– Правда? – рассмеялась Полина и, раскинув руки в стороны, присела в изящном реверансе. – Теперь вспомнили?

– Богиня, – Шемес громко вздохнул, демонстрируя неподдельное восхищение.

Полина относила к группе «опасных» клиентов этого неприметного внешне мужчину с редкими, аккуратно уложенными волосиками, маленькими серыми глазками-пуговками, прячущимися за дорогой оправой очков, всегда искренне, но несколько театрально улыбающегося, этакого простодушного добряка, который в реальности был злым вепрем, сметающим на своем пути любую преграду. Впрочем, свою звериную сущность Шемес не часто демонстрировал, такое случалось только в минуты особой ярости, а в остальное время он пребывал в спокойно-уравновешенном состоянии. Мало кто умел делать такие честные и откровенные комплименты, как Шемес, при этом не казаться льстивым и пошлым. Именно поэтому его обожали дамы, которым он одной лишь фразой мог с легкостью поднять самооценку и выделить из общей массы. Андрей Адамович любил женщин, но сердце свое уже давно отдал Марине, молодой кра-

савице, заставляющей забывать обо всем, даже о работе, которая до недавнего времени была смыслом жизни. Коллеги и партнеры характеризовали Шемеса как чрезвычайно жесткого и требовательного бизнесмена, предпочитали не будить в нем охотничьи инстинкты и не вступать в войну. Тем не менее, они признавали, что именно благодаря своей суровости и стремлению к наилучшему результату Андрей Адамович из хозяина двух небольших магазинов в Саратове сумел превратиться во владельца крупнейшего ритейлера[9] в стране и занять почетное место во втором десятке рейтинга российских миллионеров.

Он был очень щедрым человеком и в первую очередь баловал свою жену, преподнося неожиданные подарки и устраивая незабываемые сюрпризы. Почти всегда, чтобы угодить своей любимой и сделать «правильный» подарок, он обращался за помощью к Полине. Чаще всего заказы его касались выбора ювелирных украшений либо организации совместного отпуска на островах, но порой на Шемеса «находило» и он «выстреливал» каким-нибудь сверхъестественным пожеланием. Последним из таких «срывов» было намерение разбить в подмосковном поместье точную копию обожаемого Маринкой Люксембургского сада, разумеется, в уменьшенном варианте. Отговорить его от этой затеи никто не смог. Шемес уперся, как бык, заявив, если Полина откажет ему

---

[9] Розничная торговля (англ. retail) – продажа товаров конечному потребителю (частному лицу).

в помощи, он обратится к ее конкурентам. Скрипя зубами, Полина дала согласие, заранее понимая, что выполнить столь амбициозный заказ будет неимоверно сложно по двум причинам. Первая – времени было катастрофически мало. Шемес пожелал, чтобы сад был готов ко дню рождения Марины, до которого осталось чуть более двух месяцев. А вторая заключалась в поиске ландшафтного дизайнера, который согласился бы взяться за этот сумасшедший проект, не боясь осрамиться и испортить репутацию. Дизайнера помог найти Алекс, причем не одного, а трех, которые без лишних споров дружно принялись за работу. Уже за две недели они подготовили генеральный план «подмосковного» Люксембургского сада, разбивочные и посадочные чертежи, сводную смету и другую необходимую документацию. Также заказали нужный грунт, деревья, кустарники, строительный материал и, как бесстрашные трудолюбивые муравьи, принялись за работу. Каждый привел свою бригаду рабочих и помощников, которых в общей сложности насчитывалось около сотни.

Дело забурлило, и через два месяца Шемес с бокалом шампанского в руке произносил пафосный тост в честь своей обожаемой жены, стоя на ступенях террасы, откуда открывался потрясающий вид на зеленый парк, который действительно был очень похож на своего «старшего брата». Марина, казалось, пребывала в оцепенении от этого неожиданного подарка, о котором никто не проговорился, хотя многие были посвящены в приготовления. Она завороженно рассмат-

ривала яркие цветы на клумбах, аккуратные аллеи и античные статуи, изящные кованые скамьи и искрящийся в золоте заходящего солнца фонтан перед домом. Казалось, вот-вот раздастся детский смех, так хорошо знакомый парижскому саду, послышится птичья возня в молоденьких липах и каштанах и подует ветерок, подгоняющий кораблики, которые посетители пускали в «большом пруду». Марина даже прослезилась от восторга, бросилась на шею мужу со словами благодарности.

Случился тот банкет почти два месяца назад, в самом начале осени, когда все вокруг было зеленым, дышало свежестью и шаловливой веселостью едва закончившегося лета. Сейчас осень была в самом разгаре, но тепло от воспоминаний дня, когда Марина с радостными криками и бутылкой шампанского бегала по своему личному Люксембургскому саду, грело душу, заставляя счастливо улыбаться.

– Присаживайся, дорогая, – Шемес галантно отодвинул кресло, помогая Полине устроиться. – О чем задумалась?

– Вспомнила последний день рождения Марины. Вернее, то, как хорошо мы его отметили и как плохо было организму следующим утром. Где вы нас с Маринкой нашли?

– Возле статуи Марии Стюарт, – Шемес взял в руки меню и принялся изучать страницы. – Ты, что-то бормоча под нос, лежала на скамейке, а Марина, пардон, блевала под ноги несчастной королеве. Какое неуважение! Потом вы обе громко матерились на меня за то, что я позволил вам так на-

питься.

Полина рассмеялась. Замешательство ушло, на душе снова стало легко, тем более что Шемес вел себя раскрепощенно, искрометно шутил и весьма фривольно подмигивал.

– Солнышко, – вдруг осторожно прозвучал его голос, – скажи, ты случайно не знаешь, где сейчас находится моя Мариша?

Полина непонимающе уставилась на него, заметив мастерски скрываемое беспокойство в глазах. «Значит, я не ошиблась и эта стерва действительно изменяет Адамовичу», – подумала Полина, резко осудив поведение подруги, забыв, что вела себя так же безрассудно по отношению к собственному мужу.

– Андрей Адамович, мне непонятен ваш вопрос, – она прикинулась дурочкой, чтобы выиграть лишние минуты и тщательнее продумать ответ.

– Прекрати разыгрывать сцену глупости, тебе это не идет.

Полина немедленно опустила голову, пристыженная тем, что Шемес разгадал ее уловку. Кроме того, ей не понравился резкий переход с комплиментов к разговору на личные темы. Но в этом бы весь Андрей Адамович, который любил обескураживать людей неожиданным изменением хода беседы.

– Давайте что-нибудь выпьем, – сказала Полина и позвала официанта. – Скажите, у вас есть Glenfarclas?

– Какой именно вы предпочитаете?

– Glenfarclas Family Casks, – манерно проговорила она,

предполагая, что подобный ответ смутит слишком прилизанного и изнеженного на вид молодого человека. – 1969 года.

Такие утонченные красавцы, внешность которых рассчитана на привлечение внимания богатеньких дамочек или джентльменов, в зависимости от извращенных вкусов самого официанта, обычно знают лишь названия самых популярных напитков. И, разумеется, не смогут отличить солодовый виски от зернового, тем более вряд ли что-либо слышали о шотландской винокурне и о качестве божественного алкоголя, который там производят.

– Сожалею, но такого у нас нет, – произнес черноволосый парень с блестящими голубыми глазами, на что Полина язвительно усмехнулась. – Но есть, по моему мнению, лучше. Glenfarclas 1964 Family Casks. Крепость сорок восемь процентов.

– Несите! – воскликнула Полина, подумав, что этот малый сегодня получит щедрые чаевые.

– Вижу, ты в прекрасном настроении, – Шемес похлопал ее по руке. – Может, все-таки ответишь на мой вопрос?

– Я не уверена… мне кажется, что Марина в Париже.

– Ну-у, это мне известно.

– Зачем тогда у меня спрашивали? Проверяли? А если бы я не знала, где она? И что это за вопросы? Почему я должна отвечать на них? – Полина не могла остановиться, намеренно разыгрывая обиду, чтобы Шемес прекратил допрос. – В чем

дело, Андрей Адамович? Марина что-то натворила?

– Ну, успокойся. Я лишь хотел узнать, куда пропала моя красавица. Она должна была прилететь вчера…

– Вчера?! Я думала, что она исчезла как минимум три недели назад! Что ее уже ищет Интерпол… – Полина замолчала, заметив приближающегося к их столику официанта, мило улыбнулась, когда он разлил по стаканам виски и удалился. – Простите мою горячность, – уже спокойно произнесла она, сделав глоток обжигающего напитка.

– Обожаю твой темперамент, – нисколько не обиделся Шемес, вытащил из кармана пиджака конверт и положил на стол. – Тебе.

Полина с улыбкой достала из него шероховатую на ощупь белоснежную открытку, украшенную золотыми узорами.

– Приглашение на торжество, – она замолчала на мгновение. – Сколько лет вы уже вместе?

– Пять. Это и будем отмечать.

– Значит, для этого вы меня сюда пригласили? – хихикнула Полина, почувствовав, как виски теплом разошелся по груди. – Чтобы лично передать приглашение? Спасибо, мне приятно считать себя важной персоной.

– Приглашение на двух персон, – Шемес беспокойно подвигался в кресле.

– Андрей Адамович, мне кажется или вы нервничаете? Может, все-таки признаетесь, для чего именно я вам понадобилась. Приглашение – это ведь предлог, насколько я по-

нимаю?

– Мариша приказала лично передать тебе в руки, – Шемес потянулся к стакану с виски. – Но если честно…

Он сделал глоток, а Полина с нетерпением ждала продолжения, которого, увы, не последовало. Шемес перевел разговор на другую тему, начав расспрашивать о виски, вкус которого привел его в восторг. Распив целую бутылку, потом заказав еще одну, они три часа сидели за столиком, наслаждаясь общением и суетой, которую устроили вокруг них официанты, а после еще час ехали к дому Полины, громко хохоча на заднем сиденье машины, чем приводили в недоумение водителя, еще ни разу не видевшего хозяина в подобном состоянии.

– Поля, не забудь привести своего мучачо, – прогнусавил пьяный Шемес, высунувшись из окошка машины.

– Не забуду, – пообещала Полина и, помахав рукой на прощание, медленно направилась к подъезду.

Присев на холодные ступени, она вытащила из кармана пальто телефон и набрала номер Марины. К ее удивлению, подруга взяла трубку уже после второго гудка.

– Маргулис, твою мать, – с трудом выдавила Полина из себя, – ты где?

– Никифорова, да ты пьяна, как зюзя! – рассмеялась Марина в трубку. – Кто же тебя так накачал?

– «Зюзя» – это свинья, – проговорила Полина и, как поросенок, захрюкала, думая, что подобное поведение выгля-

дит забавным со стороны. – Попрошу меня так не называть. Это Шемес меня… или я Шемеса. Не знаю, кто кого. О-ой, – мученически застонала она, потом опомнилась и спросила: – Ты где, Дездемона? Со своим хахалем в Париже?

– Что ты такое говоришь?! Поля, это Андрей сказал, что я ему изменяю? Ему о чем-то конкретном известно?

– Я сама видела тебя в Люкс…ком, – Полина не смогла выговорить название сада. – Когда приедешь домой? Нужно поговорить.

– Я уже в Москве.

– Скрываешься? От кого?

– Давай завтра увидимся. Я вышлю эсэмэской, когда и где, а то ты, пьянь, вряд ли запомнишь, если я сейчас скажу. Все, целую.

– Целую, – проговорила следом Полина и поднялась, вдруг отчетливо осознав, что утро будет трудным.

Глава 4

Будильник разбудил ровно в семь. За окном было темно, вставать не хотелось, однако многолетняя привычка к дисциплине не позволила расслабиться. «Подъем!» – кричала каждая клеточка тела, и Полина послушалась, правда, еще несколько минут лежала под одеялом с закрытыми глазами, пытаясь определить, в каком состоянии находится организм после того количества виски, которое было влито в него накануне вечером. К ее удивлению, голова не болела, тошнота не беспокоила, дрожи и ломки в теле не ощущалось. Полина аккуратно поднялась, боясь, что похмельные симптомы непременно дадут о себе знать, едва она окажется в вертикальном положении. К счастью, она чувствовала себя так, будто не только не пила вчера, но и вообще не знала, каким бывает алкоголь на вкус, – голова свежая, движения энергичные, настроение приподнятое. «Господи, неужели я превратилась в алкаша и мне нужно увеличивать дозу, чтобы наступило похмелье?» – она расстроенно посмотрела в потолок, словно там находились апартаменты боженьки. Или же причиной бодрости являлся тот факт, что Роман должен был приехать следующим утром? Ведь именно об этом она подумала, когда открыла глаза, и сразу же улыбнулась предстоящей встрече.

Потянувшись к телефону, Полина по привычке прове-

рила, нет ли пропущенных вызовов и увидела сообщение о непрочитанной эсэмэске. Она сконфуженно сморщилась, вспомнив вчерашний марафон с Шемесом и последовавший за ним разговор с Мариной. Ей не было стыдно перед подругой, так как они видели друг друга в таких нелицеприятных ситуациях, в сравнении с которыми разговор в пьяном виде казался невинной забавой. Было неловко перед Шемесом, несмотря на то, что ничего предосудительного не произошло. В сообщении Марина указала место встречи и время. Полина посмотрела на часы – в запасе достаточно времени, чтобы принять душ, выпить кофе и добраться до кафе, где ее будет ожидать подруга.

Выйдя из ванной, она сварила себе кофе и подошла к окну, с наслаждением вдыхая душистый запах напитка. Еще несколько минут Полина, ни на что не реагируя, как йог во время медитации, с блаженством ощущала теплоту чашки в руках, потом отвлеклась и обратила внимание на роскошный пейзаж за окном с видом на Белый дом и Арбат. Квартира в подобном элитном месте говорила о финансовой состоятельности владельца, причем не просто говорила, а с вызовом кричала. Полина с удивлением прикинула, что апартаменты в таком доме стоят больше миллиона евро, и задумалась о том, как Роман заработал на приобретение этого «скромного» гнездышка. Неужели в международной полиции настолько много платят, что их сотрудники имеют возможность жить в роскоши, как трудоголики-бизнесмены и

беспринципные плейбои? Маловероятно, тут же решила она. Так где же Роман, обычный агент Интерпола, всего лишь личный помощник одного из советников, берет деньги, чтобы проживать в лучших отелях Европы, передвигаться на дорогостоящих автомобилях и шикарно одеваться?

Стиль жизни сибарита требовал больших затрат, которые не могла компенсировать скромная должность, занимаемая Романом в Международной организации уголовной полиции. Он и сам когда-то посмеялся над тем, что его работу можно отнести к категории хобби, ибо она приносит больше морального удовольствия, чем финансового. К вопросу о деньгах они никогда не возвращались. Зато Роман много рассказывал о том, кто такие агенты Интерпола, чем приводил Полину в крайнее замешательство, так как в ее воображении они занимали почетное место между Джеймсом Бондом и Кларком Кентом[10] – непобедимые с неограниченными полномочиями. Одним словом, всемогущие. Для нее было большим удивлением узнать, что сотрудник Интерпола скорее похож на «канцелярских дел мастера», чем на «супергероя», в совершенстве владеющего кунг-фу и умеющего отстрелить мухе крылья с двадцатиметрового расстояния. Оказалось, что полицейский уголовной полиции – это специалист-аналитик, который много ездит по миру в поисках информации о международных преступниках, а пистолет в руках держит только по официальным праздникам.

---

[10] Человеческое имя Супермена – вымышленного героя комиксов.

Полина медленно прошлась по молочно-шоколадной гостиной мимо стены с огромным плазменным экраном. Подошла к вальяжно-округлому дивану, осторожно присела на краешек и сделала глоток еще теплого кофе. Квартира давала исчерпывающий портрет ее владельца. Четкие аскетичные линии комнат говорили о таком же строгом характере Романа, яркие акценты в мебели намекали на то, что с ним никогда не будет скучно. Много воздуха и открытого пространства сообщали о любви хозяина к свободе и свидетельствовали, что привязать его к какому-то одному месту невозможно. Квартира была великолепна. Но теперь подозрения начал вызывать Роман, который обладал ею, не имея на это положенных средств. «Ну не можешь ты быть наследником финансовой империи, – с раздражением подумала Полина. – Наследники не работают в Интерполе. Или…» Она внезапно разозлилась, так как поняла, что ничего не знает о своем возлюбленном. Роман никогда не рассказывал, кто его родители, есть ли у него братья или сестры, где они живут… Впрочем, Полина и сама неохотно говорила о своей семье, упоминала лишь тогда, когда промолчать было некорректно или невозможно.

– У нас еще будет время поговорить о твоих тайнах, дорогой мой, – пообещала вслух Полина и направилась в спальню.

На то, чтобы накрасить лицо и одеться, ушло мало времени. Она только слегка припудрила щеки и подкрасила рес-

ницы, надела простое темно-синее короткое платье и набросила на плечи любимый шарф, кстати, подаренный Люком. Уже через пятнадцать минут она спустилась вниз и, ожидая такси, позвонила в парижский офис.

– Контролируешь? – рассмеялся Мануэль, нынешний глава филиала.

– Хотела уточнить, как продвигается заказ мсье Гуэна.

– Старик доволен, – отчитался Мануэль тоном, будто Полина все еще была его боссом. – Итальянцы обещали, что успеют к указанному сроку.

– Молодцы, – коротко похвалила Полина и закончила разговор, так как во двор въехало такси.

В кафе, заметив Марину, она радостно улыбнулась, но увидев рядом с подругой барышню, причем не самую приятную, расстроилась, так как рассчитывала на завтрак без свидетелей, в присутствии которых невозможно пооткровенничать и искренне повеселиться. Нонна Шваб, журналист крупного московского издательства, давняя приятельница Марины, не пользовалась почетом в глазах Полины из-за своего дерзкого и непримиримого характера. Озлобленная на мир грубиянка, Нонка смотрела на окружающих так, словно те были ее должниками. К тому же она гнусаво-самодовольно гоняла буквы по рту, чем неимоверно раздражала Полину, вынужденную прислушиваться к ее словам, изо всех сил напрягая слух и воображение. В общем, этот бесполый гуманоид, так Полина называла Нонну из-за ее без-

различия не только к противоположному полу, но и ко всем жизненным формам на планете Земля, провоцировал икоту всякий раз, когда оказывался рядом. Полина терпеть не могла кучерявую вату вместо волос у Нонки на голове, брови, одна выше другой, мясистый нос, фигуру-пончик и презрительно-недовольное выражение лица. При этом всегда удивлялась, как Марина, избирательный и осторожный в общении человек, может иметь дела с подобным «недоразумением».

– Привет, девчонки, – поздоровалась Полина, подойдя к столику.

– Как себя чувствуешь, алкоголик? – усмехнулась Марина, поднялась и подставила щеку для поцелуя. – Андрей, например, устроил себе выходной, потому что не в состоянии подняться с постели. Поставил тазик у кровати и… извергает в него содержимое желудка.

– Фу, – передернула плечами Полина. – Кто просил тебя вдаваться в столь тошнотворные подробности?

Она бросила взгляд на Нонну, которая, к ее удивлению, никак не прокомментировала слова Марины, хотя уже давно должна была вставить какое-нибудь едкое слово.

– Доброе утро, – Нонна протянула руку.

Полина ответила на рукопожатие и прищурилась:

– Ты похорошела.

– Спасибо, – улыбнулась Нонна и поднялась, демонстрируя фигуру, ставшую легче килограммов на десять. – Любовь

творит чудеса.

Полина, ухмыльнувшись, присела за свободный стул и приготовила несколько колких замечаний по поводу изменений во внешности Нонны, однако женщина разрушила планы на пикировку, заявив о том, что покидает «теплую» компанию.

– Как, уже? – опешила Полина, непонятно почему испытав огорчение.

– Я и не собиралась завтракать с вами. Мы случайно встретились здесь с Мариной, – Нонка, как сытая жаба, посмотрела на подошедшего к их столику худенького дядечку лет сорока, который, видимо, отлучался в комнату для мальчиков. – Познакомтесь, девочки, Игорь Витальевич.

– Мое почтение, дамы, – раскланялся кавалер.

При более детальном рассмотрении Игорь Витальевич оказался не таким бесцветным, как на первый взгляд. Пожалуй, для Нонны он был слишком хорош и воспитан, но, как сказала Марина, этот интеллигентный доктор физико-математических наук обожал госпожу Шваб, которая в его присутствии становилась мягкой и веселой, абсолютно непохожей на прежнюю Нонку-дракона.

– Всегда хотела узнать, почему ты с ней дружишь? – спросила Полина, глядя вслед удаляющейся парочке. – Она же… не такая, как ты.

– А какая я?

– Утонченная, красивая, воспитанная, – Полина дала по-

друге краткую характеристику.

– Нонка – мой антипод. Прямая, противная, острая. Не знающая страха, сомнений. Она честная и искренняя, хотя многим видится надменной и отталкивающей. Порой я хочу быть такой же.

– Страшной?

– Нонна не страшная, тем более сейчас. Она светится от счастья.

– Да и ты, похоже, влюбилась? – Полина повернулась к Марине, по лицу которой блуждала приторно-сладкая улыбка. – Или сделаешь вид, что я ошиблась?

– Я действительно влюблена. Пожалуй, я еще никогда и никого так не любила.

– Как его зовут?

– Ашер, – Марина смотрела в окно, отвечала неохотно, словно боялась делиться сокровенной тайной, лежащей на сердце.

– В переводе с иврита «счастливый»…

– Откуда тебе об этом известно? – заметно оживилась Марина. – А-а, я и забыла, что твои братья евреи.

– Наполовину, – уточнила Полина. – Их отец – еврей, а наша мать – русская.

– До сих пор теряюсь в твоих родственных связях, – улыбнулась Марина и тут же перешла на более интересующую ее тему. – Надеюсь, ты не сказала Андрею, что видела меня в компании другого мужчины.

– Я часто вижу тебя в обществе интересных особей. Это говорит о том, что ты пользуешься популярностью у противоположного пола.

– Значит, не сказала?

– Нет.

– Спасибо, – с благодарностью произнесла Марина.

– Что собираешься делать?

– Ничего.

– Поправь меня, если я неправильно поняла, – попросила Полина. – Ты несчастлива с мужем, любишь другого мужчину, но ничего не намерена менять?

– Кто сказал, что я несчастлива?

– Но разве твое новое увлечение не подтверждает это? От любви, дорогая, любви не ищут. Поверь, опыт в этом вопросе у меня впечатляющий.

– Вовсе нет. – Марина порывисто покачала головой. – Мне хорошо с Шемесом, просто я его не люблю… как люблю…

– Все. – Полина протестующе подняла руки. – Не могу больше слушать этот бред. Люблю – не люблю, счастлива – несчастлива. Ты довольна жизнью?

– Почти. Но ты права, не стоит кашу по тарелке размазывать. Все ведь хорошо, просто с Ашером нам никогда не быть вместе.

– Почему?

– Так сложились обстоятельства, – с некоторой заминкой произнесла Марина. – Изменить ничего нельзя.

По лицу ее пробежала тень тревоги, но уже через секунду Марина улыбалась, и Полина подумала, что ей всего лишь показалось, будто подруга чем-то обеспокоена.

– Два «эспрессо», – попросила она, когда кучерявый парнишка остановился у ее плеча. – Маргулис, колись, что случилось?

– Не будь вредной, – отмахнулась Марина. – Лучше расскажи, как дела у твоих братьев. Давно не виделась с ними.

– Господи, как могут быть дела у евреев?! – воскликнула Полина. – Конечно же, хорошо! Я хочу вернуться к разговору о тебе.

– А я хочу сменить тему. Шемес отдал тебе приглашение?

Полина обиженно молчала.

– Эй! – дернула ее за волосы Марина. – Отвечай!

– Отдал! Могли бы на словах передать, без условностей. А то придумали – именное приглашение, вензеля…

– Знаешь, я не хотела праздника, но Андрей настоял. Говорит, мол, юбилей, хорошая дата, почему бы не отметить. «Соберем близких друзей, повеселимся», – Марина умело изобразила голос мужа. – И знаешь, сколько таких набралось? Сто двадцать.

Полина присвистнула и с жалостью посмотрела на удрученную подругу, которая вовсе не радовалась предстоящему празднику в поместье.

– Если честно, – продолжила подруга, – у меня абсолютно отсутствует настроение развлекаться. Хочу включить те-

левизор, пить горячее какао, есть пирожные с шоколадным кремом и, главное, никого не видеть. Не знаю, как пережить этот праздник. Чем он ближе, тем крепче желание сбежать на край света.

– Четыре дня осталось, – напомнила Полина. – А почему меня так поздно предупредили?

– Андрей думал, что я уже давно сказала тебе, а я, прости, забыла. Одна придешь или с Сафоновым?

– Он тебе не нравится? Он всем не нравится. Братья его ненавидят, родители и сестра о нем еще не знают, но, думаю, также останутся недовольны моим выбором.

– А им-то какая разница? Образцы порядочности, кладези добродетели!

– Так он тебе нравится? – повторила вопрос Полина.

– Плевать мне на него, – беззаботно ответила Марина. – Главное, чтобы ты была счастлива. А хороший он или плохой, меня это не касается. Как и остальных.

– Марин, давай уедем отсюда… – Полина почувствовала резкую боль в висках, видимо, запоздавшее похмелье дало о себе знать.

– Куда?

– Ко мне. Вернее, в квартиру Сафонова. Заедем по дороге в кондитерскую, купим шоколадных пирожных. А дома заварим чай, укроемся пледом и будем болтать, как в старые добрые времена, когда я еще жила в Лондоне, а ты прилетала ко мне в гости. Или чтобы согреть постель Алекса, я уже

точно не помню, так давно было.

– Не было у нас ничего с твоим братом! – Марина, как филин, вытаращила и без того огромные глаза.

– А Алекс утверждает обратное, – солгала Полина. – Я знаю все в мельчайших подробностях.

– Вот трепло!

– Значит, было?! Ах ты стерва! Совратила моего брата.

– Ой, прекрати! – изобразила одесский говор Марина, что у нее получилось весьма правдоподобно. – Твой брат тот еще поц и сам может уговорить кого угодно на что угодно.

– Так вы были любовниками? – не унималась Полина. – Рассказывай!

– Едем, а то здесь скоро всем будет известно, с кем я спала и с кем собираюсь.

Она указала рукой на посетителей с соседних столиков, которые с любопытством вслушивались в их забавный диалог. Лишь одна влюбленная парочка усиленно тренировала мышцы губ, да так громко и самозабвенно, что Марина не выдержала и всплеснула руками, заставив металлические браслеты на обеих руках зазвенеть.

– Щоб нам так жить! Идем отсюда, а то у меня голова кружится от зависти.

Дома у Романа женщины много смеялись, вспоминая забавные моменты из прошлого. Долго и в красках расписывали историю о том, как познакомились благодаря Алексу. Выяснилось, что у обеих сразу же вспыхнула симпатия, и не

пришлось придумывать что-либо сверхъестественное, чтобы закрепить отношения. Действительно, их дружба началась десять лет назад в дождливый осенний день, и с того момента не случилось ни одного происшествия, которое могло бы ее омрачить. Они не надоедали друг другу личными проблемами, но и не скрывали сложных жизненных ситуаций, не лезли с просьбами о помощи, но старались поддержать, были тихими и незаметными, однако незримое присутствие в жизни друг друга ощущалось всегда и везде.

– Маринка! – Полина обняла подругу за плечи. – Как же хорошо, что ты у меня есть.

– Я же в свою очередь радуюсь тому, что тебя в моей жизни ровно столько, сколько мне нужно. Было бы немного больше, и я не выдержала бы.

Полина отбросила плед, вскочила с дивана и остановилась перед Мариной, которая сложила руки на груди и приготовилась к словесной атаке.

– Говоришь, я слишком навязчивая?! – вскричала Полина и принялась боксировать перед лицом подруги, но вскоре успокоилась и присела перед ней на колени.

Она посмотрела на ее румяные щеки и искрящиеся глаза и поняла, что горят они не от веселья, а от беспокойства. Марина потирала руки, нервничая, но думала, что этого никто не видит. Может, эти движения и были легкими и незаметными, однако Полина слишком хорошо знала свою подругу, чтобы понять, что ее что-то волнует. То она приподнимала

бровь, делая вид, что слушает Полину, но на самом деле была где-то далеко в своих размышлениях. То резко бледнела и тут же заливалась ярким румянцем. Постукивала пальцами по чашке чая, словно подгоняла минуты или же, наоборот, напряженно отсчитывала каждое мгновение.

– Рассказывай, что происходит, – сказала Полина, решив, что больше не станет играть в непонятные ей игры.

– Отойди, не мешай мне, – капризно произнесла Марина и указала на монитор ноутбука, по которому они просматривали фотографии.

– Я не верю. Твой голос дрожит…

– Не приставай! – Марина вдруг поднялась с дивана и направилась к выходу из гостиной. – Ты мне надоела своими подозрениями, – бросила она на ходу, обидев Полину грубостью тона. – Все, я ухожу.

– И вали.

Полина не стала задерживать ее, зная, что уговорами остаться не исправит дурного настроения Марины, однако направилась следом, словно желала убедиться, что подруга не обманула и действительно намерена уйти.

– Поль, – Марина виновато улыбнулась на пороге. – Ну прости меня!

– Нервничаешь? Поэтому рычишь на всех?

– Да, – просто ответила Марина, раскрыв объятия. – Есть основания.

– Боишься, что Шемес нарисует тебе фингал под глазом,

когда узнает об адюльтере?

– Я не боюсь Андрея. Кроме того, у него не хватит смелости помахать кулаками.

– Тогда, может, передумаешь уходить и останешься?

– Нет, нужно домой.

– Соскучилась по муженьку и жаждешь его видеть?

– Чешусь от нетерпения, – рассмеялась Марина, на мгновение превратившись в беззаботную девчонку. – До пятницы, – она легонько дотронулась губами до щеки Полины, прощаясь, и быстро выбежала за дверь.

Полина вернулась в гостиную, задумчиво присела на диван и лишь спустя несколько минут заметила, что Марина забыла ноутбук. Он остался на столе, а на экране его светилось их совместное фото, недавно сделанное в уютной таверне на бульваре Дидро в Париже. Полина внимательно, с любовью всмотрелась в светящееся от счастья лицо подруги и вздохнула, заметив, что эмоции напускные: губы растянуты в искусственной улыбке, глаза прищурены, как у охотника, выбравшего жертву, плечи ссутулились. «Да что же происходит в семье Шемесов? – расстроенно подумала она и шмыгнула носом. – Черт! Пусть сами разбираются! Мне бы понять, что творится в моей жизни». Она обхватила ноги руками, уперлась лбом в коленки и всхлипнула, но тут же встрепенулась, услышав звук открываемой двери.

– Сафонов! – обрадованно взвизгнула Полина и бросилась навстречу. – Я ждала тебя завтра.

– Надеюсь, не помешал? – оглядевшись, спросил Роман и подхватил ее в объятия. – Где они?

– Выпрыгнули из окна.

– С одиннадцатого этажа? Привет, – прошептал он, целуя ее. – Так куда нынче прячут любовников?

– Ты мой любовник. Я, между прочим, еще замужем.

Глава 5

Следующие два дня Роман и Полина не выходили из квартиры. Большую часть этого времени они провели в спальне, остальную в кухне, восстанавливая утраченные силы обильными приемами пищи.

– Не знал, что мой холодильник вмещает столько еды… – Роман с удивлением рассматривал содержимое полок. – И уж точно не догадывался, что ты умеешь готовить, – добавил он, повернувшись к Полине, которая с усердным выражением лица смешивала в блендере продукты. – Всегда считал, что богатенькие девочки не имеют представления о том, где в доме находится кухня.

– И ошибался. Некоторые из них весьма умелые кулинары. Я, например, с детства готовлю. Началось все с завтраков для себя и сестры, так как мама любила поздно встать и никогда не провожала нас в школу. Когда училась в университете, жила отдельно от родителей и, разумеется, в ресторанах не питалась. А после наступила семейная жизнь…

– Кажется, ты говорила, что у вас с Люком был повар, – Роман в деланом смущении прикусил губу, заметив, что это высказывание не понравилось Полине. – Или ты лично готовила мужу обеды и ужины?

Полина промолчала, подошла к плите и вылила на горячую сковородку смесь из чаши.

– Теперь не мешай, – предупредила она Романа, который сделал несколько шагов в ее сторону. – Иначе пригорит, потом будешь критиковать мои кулинарные способности.

– А что ты готовишь? – Роман с любопытством посмотрел на грибы, нарезанный соломкой огурец, измельченные чеснок и петрушку. – «Бризоль»? – удивился он. – Обед Джеймса Бонда?

– Вот это познания! – восхитилась Полина и, прищурившись, уставилась в стену, вспоминая. – Жареный цыпленок, – начала перечислять она, – закрытый омлет с начинкой, котлеты со спаржей и соус муслин.

– Мне больше нравится другое меню мистера Бонда: жареная куропатка с розовым шампанским, – Роман с интересом посмотрела на Полину. – Оказывается, ты и Флеминга читала?

– Обожала в детстве. – Полина переложила продукты в глубокую миску и, полив их сметаной, тщательно перемешала. – Мечтала носить пистолет в сумочке, управлять вертолетом, прыгать с парашютом, знать секреты любого государства. В общем, быть неуловимой, продажной и счастливой.

– В таком случае тебе не нужно было изучать психологию в МГУ, а идти в военную академию.

– Ты там учился? – поинтересовалась Полина, на что Роман не ответил, подошел к плите и принюхался.

Полина быстро выложила на половинку яично-мясного блина начинку, на него вторую половинку и прикрыла полу-

ченный пирожок крышкой. Через несколько минут переложила «бризоль» на тарелку и посыпала зеленым луком.

– Прошу, сэр, – взмахнула рукой, приглашая Романа к столу.

– А ты? – спросил он, увидев, что себе Полина ничего не приготовила, лишь налила в чашку кофе.

– Не голодна. Мне нравится твоя квартира, – спустя время добавила она, с улыбкой наблюдая за тем, с каким аппетитом Роман поглощает завтрак.

– И мне.

– Твоя собственность или…

– Понимаю, на что намекаешь, – усмехнулся Роман. – Откуда я взял деньги на покупку и содержание этих апартаментов?

Полина молча кивнула и пристально вгляделась в его лицо. Выражение глаз было легкомысленно-веселым, по-детски наивным, как у мальчишки, который лжет родителям, почувствовавшим запах табака, исходящий от его одежды. «Ехал в накуренном лифте» – таков был стандартный ответ каждого ребенка, уличенного в курении. Ответ Романа на вопрос о квартире, была уверена Полина, прозвучит не менее стандартно. «Подарок либо наследство, – предположила она. – Пятьдесят на пятьдесят».

– Заработал непосильным трудом, – обманул ее ожидания Роман и рассмеялся, видя прищуренный от недоверия взгляд. – Не веришь? И правильно! Разве я могу заработать

миллион евро? – произнес он, с явным раздражением отодвинув в сторону пустую тарелку.

– Я не говорила, что ты не в состоянии заработать себе на жизнь. Не хочешь рассказывать, не нужно, только не изображай обиженного мальчика. Это неудачный образ, и он тебе не подходит.

– А какой образ мне подходит?

– Любой, кроме простака и влюбленного паяца, которым ты пытаешься казаться последние два дня.

Роман усмехнулся, как беззлобный кот, довольный жизнью и отношением хозяев, похлопал Полину по бедру и подошел к окну. Оперся о подоконник, долго рассматривал пепельное небо и тусклый воздух, который тяжелым покрывалом лежал на крышах высоток и, казалось, состоял не из смеси газов, а из капелек воды.

– Разве ты не рада тому, что мы вместе? – спросил он, дотронувшись лбом до холодного стекла.

– Очень рада… – Полина подошла к нему и провела рукой по его обнаженным плечам. – А ты, похоже, нет.

– С чего ты взяла?

– Тебя угнетает ситуация, но ты делаешь вид, что все в порядке. На самом деле нам не стоило съезжаться.

– Почему?! – Роман повернулся к ней, мрачно улыбнувшись.

– Ты меня не любишь, – просто ответила Полина и вдруг испытала облегчение, наконец признавшись себе в том, о

чем боялась думать последние месяцы. – Ты никогда не скрывал этого. Поэтому сейчас твое поведение как минимум настораживает, а вскоре начнет обижать, если ничего не изменится. Ведь еще недавно ты был холоден, исчезал на многие месяцы и никак не мог понять, нужна я тебе или нет. А теперь сутки проводишь со мной в постели, не выпускаешь из объятий, улыбаешься и с открытым ртом ловишь каждое слово, словно я самая большая любовь в твоей жизни.

– Что же тебя не устраивает?

– Я вижу, что ты ведешь себя ненатурально, будто играешь ту роль, которая тебе не по плечу, – задумчиво произнесла Полина и, покинув кухню, направилась в спальню.

Роман быстро последовал за ней, схватив за плечи, прижал к стене.

– Стоп, дорогая. – Он приблизил лицо, почти дотрагиваясь до губ Полины. – Ты ушла от мужа ради того, чтобы быть со мной…

– Ошибаешься, – с улыбкой перебила Полина. – Я оставила Люка, потому что перестала любить. Вернее, никогда не любила.

– Принято, – согласился с этой поправкой Роман и еще крепче вдавил Полину в стену, отчего она недовольно сморщилась. – А теперь объясни, что за сцену ты устроила? Чем ты обижена?

– Ложью! – Полина попробовала пошевелиться, но тщетно. – Прекрати делать вид, будто мы крепкая семья. Я знаю,

что люблю тебя больше, чем ты меня.

– А что еще тебе известно? – Роман стащил с нее майку и отошел в сторону.

– Что совершила ошибку, переехав сюда. Что тебе вскоре надоест разыгрывать пылкого влюбленного, и ты уедешь в свой гадкий Лион на службу, оставив меня в Москве. – Полина замолчала и, подойдя к Роману, попыталась забрать из его рук майку. – А я, так и не дождавшись твоего возвращения, перееду в Лондон к братьям.

– Мне больше не придется уезжать во Францию, – сказал Роман, майку не отдал, наоборот, далеко отбросил от себя и подхватил Полину в объятия. – Я подал рапорт об увольнении.

– И чем ты собираешься заниматься?

– Вообще или прямо сейчас? – Он подвигал бровями и подтолкнул Полину к кровати.

– В целом, – Полина, смеясь, ткнула его в плечо и выругалась, услышав телефонный звонок. – Это Алекс, – сказала она, посмотрев на экран. – Нужно ответить, иначе он станет звонить до тех пор, пока я не подниму трубку. Слушаю вас, мистер Фрейман.

– Каким рейсом прилетаешь? – после короткого приветствия спросил Алекс.

– Не поняла, – опешила Полина. – Я должна была прилететь? Когда?

– Шутишь? – в свою очередь растерялся Алекс. – У отца

в субботу день рождения.

– Забыла, – Полина виновато сморщилась и постучала себя по лбу. – Как такое могло случиться?

– Неудивительно. Ты же вся в любви и заботах. Уже закончила обустройство семейного гнездышка?

– Не начинай, – грозно предупредила Полина. – Я прилечу в субботу утром.

– Почему не завтра? Любовничек не отпускает?

– Завтра я приглашена к твоей бывшей пассии на банкет.

– К кому? – спросил Алекс с недовольством в голосе, которым попытался скрыть несвойственное ему смущение. – К Марине?

– Все понял без лишних объяснений. У них с мужем юбилей, и я уже приняла приглашение. Поэтому вылечу в Лондон на следующий день. В котором часу ужин?

– В семь. Сообщи номер рейса, я тебя встречу.

– Я возьму такси. Лучше купи вместо меня подарок для Марка.

– На какую сумму? – деловито поинтересовался Алекс.

– Особо не шали, еврейский бухгалтер. Но и не жмись. Выбери, что считаешь нужным, твоему вкусу я вполне доверяю. Буду благодарна за помощь.

– Ладно, но с условием. Не бери его с собой.

– Почему? – Полина посмотрела на Романа, который с улыбкой прислушивался к разговору.

– Отец пригласил на ужин Люка, – объяснил брат. – Будет

неловко, если эти двое окажутся лицом к лицу.

Полина хотела поинтересоваться, что Люк будет делать на празднике, но передумала, не желая при Романе заводить тему о бывшем муже.

– Знаю, о чем хочешь спросить, – усмехнулся в трубку Алекс, который явно веселился, безошибочно ощущая замешательство сестры. – Люк был желанным гостем в доме отца еще до того, как ты вышла за него замуж. Отец вас и познакомил. Или ты забыла об этом?

– Я не просила объяснений, – высокомерно ответила Полина.

– А я решил прояснить ситуацию. Все, заканчиваю разговор. Позвонишь, когда узнаешь, каким рейсом полетишь. И передай Марине от меня искренние поздравления.

– Непременно, – сухо отозвалась Полина и, бросив телефон в кресло, со злостью посмотрела на смеющегося Романа. – На чем мы остановились? Вспомнила! Какие планы на будущее?

– Значит, в Лондон ты меня не берешь… – Роман схватил Полину за руку и повалил на кровать.

– Тебя там никто не ждет.

– Я и сам не поехал бы. Не люблю Лондон. Скучный и нелепый город, унылый в каждом своем фрагменте.

– Глупости! Лондон потрясающий…

– Серый и мрачный.

– Яркий и веселый! – Полина привстала на локте и вызы-

вающе посмотрела на Романа.

– Злой и негостеприимный, – не унимался Роман, которого веселил этот бессмысленный спор, вернее, горячность Полины.

– Радушный, полный развлечений. В нем самая лучшая неделя моды, не считая Милана, самые веселые радиостанции, крутые пабы.

– Ты настолько любишь Лондон? – с искренним интересом спросил Роман, заметив, как загорелся взгляд Полины при воспоминании об этом городе. – Почему?

– Он подарил мне много счастья, – ответила Полина и задумалась. – Да, определенно там прошли самые веселые годы моей жизни. Первое замужество, работа… В Лондоне у меня много приятелей. Братья, они, конечно, порой невыносимые, но я скучаю, когда их долго нет рядом.

– Тогда что ты делаешь в Москве?

Проигнорировав вопрос, на который уже и сама затруднялась ответить, Полина поднялась с кровати и, пробежавшись по мохнатому ковру, остановилась у шкафа. Раздвинув широкие сворки, провела рукой по ровной линейке пиджаков, висящих в нижнем ряду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.